

Биктимиркин Евгений

Искра

Евгений Биктимиркин

Искра

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722714
ISBN 9785005036339*

Аннотация

Продолжение приключений Евгения. Новый опыт в мирах со своими неожиданными условиями и реалиями меняет представления о жизни главных героев.

Содержание

Биктимиркин Евгений Юрьевич	5
Искра	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	50
Глава 4	63
Глава 5	77
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Искра

Евгений Биктимиркин

© Евгений Биктимиркин, 2019

ISBN 978-5-0050-3633-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биктимиркин Евгений Юрьевич

Искра

От автора

Дорогой читатель, спасибо тебе огромное уже за то, что открыл эту книгу. А если ты ее еще прочитаешь – будет просто великолепно. Я постарался сделать все, чтобы тебя не разочаровать. В это произведение, помимо времени и труда, я вложил еще как минимум одну важнейшую, если не самую важную идею, которая только приходила мне в голову. Я так давно хотел раскрыть ее, показать, какой прекрасной она может быть. Хотя я уже вскользь затрагивал ее ранее, слава Богу, наконец, мне удалось осуществить это в полной мере. И как всегда я надеюсь, что читая «Искру», ты задумаешься над написанным, а где-то, быть может, посмеешься или поспоришь.

Думаю, здесь следует отметить, что в «Искре» повествуется о событиях после тех, что описаны в произведениях «Территория Хаоса» и «Планы бытия». Поэтому для понимания абсолютно всех деталей желательно сначала прочитать указанные работы. Хотя в промежутке есть еще одно чудесное произведение, которое я, возможно, когда-нибудь перепишу. Но никто не запрещает читать «Искру» и как самостоятельное произведение.

Некоторые моменты в романе носят сексуальный харак-

тер, и присутствуют сцены насилия, так что внимание, дорогой читатель – будь осторожен. Зато ненормативной лексики почти нет.

Ну, довольно слов, «в интегру»...

Март – октябрь 2018г.

Часть 1

Глава 1

Жаркий вечерок вначале мая две тысячи семнадцатого года. Денек выдался не очень, а настроение устойчиво держалось на уровне таза. Я как мог, подбадривал себя. Старался забыть об очередном неудачном выступлении перед девушкой в маршрутке. Разумеется, в ответ я получил лишь вакуум и безмолвие. Вроде раз в двухсотый это произошло, а ощущения, как будто только третий раз жизнь не смешно подшутила.

И сразу после этого позвонили и предложили работу в Мурманске. Работа еще чуть менее квалифицированная, а в Самаре я живу на своей квартире. Понятно, что с рациональной точки зрения это безумие. Но мне все равно стало обидно, что во мне умерла нотка авантюризма. Честное слово, лучше бы не предлагали, ведь до самого сна подобные думы не отступают.

Дома я разделся, прихлопнул очередного таракана, принял успокоительное и вскоре оказался нужен людям. В домофон позвонил молодой человек. Он просил впустить к какому-то ребенку. Я стал с пристрастием его расспрашивать про все возможные детали этой подозрительной ситуации,

после чего дверь пикинула, и мужчина сказал:

– Все, не надо уже – ребенок сам спустился. Спасибо.

«Ну что же, хорошо то, что хорошо кончается». Было приятно отыгаться на ком-то за гуляк без ключей, что звонят всем подряд среди ночи. Да и за сегодняшний день или всю неделю.

Пора было выбросить мусор. А раз уж все равно по пути, я собирался зайти и в магазин за продуктами питания. Чтобы напиться до еще более спокойного состояния сознания.

Меня уже не сильно беспокоили ни повсеместный и постоянный слой пыли с грязью, ни штиль, ни жара, ни духота. Погода одарила меня своей пасмурностью – чего еще желать-то?

Только я стал подходить к мусорке, небо стало еще темнее, и задул сильный ветер, понесший в лицо горы пыли. Показалось, что сейчас начнется сильная гроза, и прокатятся разряды молний, но ничего подобного не случилось.

Зато неподалеку, справа от меня с диким грохочуще-шипящим шумом образовалось огромное черное пятно в метре над землей. Я почувствовал вибрации, резко обернулся и увидел пару зевак с таким же ошалевшим взглядом, как у меня.

Я присмотрелся, и понял, что это нечто вроде водоворота диаметром в три метра с иногда мелькающими синеватыми прожилками. Подождав какое-то время, я швырнул пакет с мусором, а себя решил выбросить в черноту. Я разбежал-

ся, боясь, что кто-то заберет у меня и это. Не успел я оттолкнуться от земли, как меня засосало.

Что случилось после этого, можно было бы сравнить с мощнейшим трипом под неизвестной самой природе гадостью. Меня несло с такой скоростью, что нельзя было даже определить, двигаюсь ли я на самом деле, или это пространство движется навстречу. Это выглядело, как рифленая труба, переливающаяся синими, голубыми, белыми и фиолетовыми оттенками. Уши заложило. Траектория хаотично изгибалась, и временами казалось, что я могу слегка замедлить процесс. А порой и вовсе создавалось впечатление, что это не я, словно тела никакого нет, и «перемещается» только моя воля, разум или душа.

Длилось это от двух до пяти секунд – трудно было определить даже с моим талантом счетовода. Когда я вновь ощутил под собой землю, закружилась голова, и я упал, словно инерция толкнула меня в спину.

Уши все еще были заложены, а дыра за мной довольно резко захлопнулась. Сразу стало трудно дышать, и я раскашлялся. На грудь, щеки и виски как будто что-то давило. За этим пошла рвота.

Я успокоился, сел на корточки, оперся рукой в бурую рыхлую землю и стал дышать размеренно и плавно; даже не смотря на противные ощущения, я вдыхал и выдыхал все глубже. Пахло смесью из пыли, сырой почвы, пота, крови и еще какого-то одеколona. Казалось, что я сейчас задохнусь.

Однако время шло, а сознание я не терял.

В здешнем пейзаже преобладали желтые, оранжевые, красные, бурые, коричневые и черные тона. Не шибко четкое зрение рисовало месиво из скучных оттенков. Было еще немного леса непонятного цвета вдалеке. Но вот небо оказалось до глубины души пугающее и завораживающее: фиолетовое, словно отпочковавшееся от своего голубого брата и решившее жить по своим правилам; неоднородное, с размазанной бежевой дымкой облаков. Этим облакам не хватало сил сгуститься, и шлейф тянулся на треть обозримого небосвода. Такое чувство, что кто-то огромный вдалеке курил трубку. Опять стало немного противно.

Минут пятнадцать я так просидел, а лучше мне не становилось. Более того, меня все сильнее тянуло вниз. И самое обидное, что если бы поддался желанию прилечь, лучше бы тоже не стало. Я боялся, что встать будет еще труднее.

Поняв, что засиживаться нельзя, я решил подняться и пройтись. Это было тяжело. Голова опять закружилась, и я чуть не упал, как пьянчуга.

Здесь, как пить дать, более сильная гравитация, и состав атмосферы отличался от нашего. Мало того, что ноги было тяжело передвигать, не хватало воздуха или кислорода, да еще и почва представляла собой крупный бурый песок с раскиданными разного размера черными камнями, о которые я спотыкался. Глаза слезились, все расплывалось вплоть до мутных клякс где-то вдалеке.

Мне в голову пришла мысль о повышенном радиоактивном фоне, но я так быстро устал и плохо соображал, что стало почти все равно. Я держал путь к огромной черной горе. Она была в сотнях метров от меня, а преодолевать даже небольшие бугорки было невыносимо тяжело. Да, возможно, стоило бросить курить и побегать хотя бы за недельку до этого. Пот валился градом — жара в душном тухлом районе Самары оказались просто детскими шалостями. Господи, как же я ненавижу продолжительные, вялотекущие, кажущиеся бессмысленными, мытарства. Никого и ничего примечательного не видно. Лишь шаги по слегка хрустящей земле и шум слабого ветерка иногда нарушали тишину, когда уши, наконец, заработали, как должны были. Да, такой просторной равнины я живьем не видел.

Пройдя немного, я взгляделся, и понял, что черная гора — это что-то вроде неуклюжей башни с шарами по бокам. Мне было наплевать, кому это принадлежит, и, даже как меня воспримут, если здесь вообще кто-то есть. Я просто руководствовался главным правилом выживания: если не знаешь, где ты — залезь на возвышенность и осмотришься.

А пока мне хватило сил только вылезти из своей неглубокой ямы и залезть на здоровенный булыжник. Кстати, несмотря на скудность его цветовой гаммы, мне он показался весьма красивым неоднородным минералом. Я бы его даже сравнил с черным малахитом, если бы видел такой прежде. Мысленно я поблагодарил кого-то и за тишину, и за ветерок,

обдубавший мое мокрое тело снаружи и иссушенное внутри. Только я подумал отдохнуть, перевести дух, как в паре сот метров заметил две темные фигуры. По строению тела – гуманоиды.

«Ну что же, прекрасно – какой бы ни был язык, смогу узнать, где можно попить и поспать». Так что я аккуратно спустился и медленно пошел к ним с поднятыми руками.

Гуманоиды были одеты в темно-коричневую, не то одежду, не то броню; лица скрывали шлемы. Оттого еле заметные глаза в прорезях казались страшнее. Ростом пониже меня, но коренастее, и шли весьма уверенным шагом.

Я тоже ускорил шаг. Не успев подойти на пять-шесть метров для переговоров, как один из них резко кинул в меня нож. От неожиданности правое плечо даже не сразу взвыло. Конечно, жизнь меня была сильнее, но было очень страшно. Особенно, когда я «это» увидел. Я почувствовал, как нож поцарапал кость. Стало еще и обидно – «за что?!».

Пока я, как говорят ненавистные представители обоих полов, «жалел себя», другой резво подбежал и врезал мне в челюсть. Выходит, представители были не так уж и неправы.

Очухавшись в помещении, очевидно, той самой черной фаллической крепости, я обнаружил, что нож вытащили. И даже заботливо перемотали рану моей майкой. Я выдох-

нул, и вновь успокоился. Дышать было уже чуть проще, непонятно почему.

Крепость изнутри была просто потрясающая: я подошел к стенке и постучал по ней кулачком. Вся из черного металла чудовищной толщины и, наверняка, прочности. Простор залов вызывал головокружение. Пол выложен большой неровной желтой плиткой. Это при движении слегка рассеивало мое зрение, и вкупе с остальными факторами заставляло свалиться с такой силой, чтоб череп разможился прямо об этот прекрасный пол. Но я держался непоколебимо.

Посередине и по бокам зала располагались черные металлические спиралевидные лестницы, уводящие высоко вверх, на следующие ярусы. На каждом из них, наверняка, были свои комнаты, кабинеты и прочее. Дух захватило от примитивного величия. Снаружи я успел заметить, что эта махина размером с высотный дом, понемногу сужающийся кверху. И, как уже было мечено моим небрежным взором, крепость имела несколько отростков. В общем, выглядело внушительно и зловеще. Полагаю, на то и был расчет.

Порадовал легкий сквознячок, ибо на улице было жарковато. Презираю жару и солнце, вечно пытающееся меня спалить и ослепить, дабы я не узрел истины.

Вместо скамеек просторные ступени в стенах. Я присел, чтобы впитать дух этого места. Мимо меня прошло несколько солдат, вроде тех, что видел давеча. Таких же серокожих. Здесь таких много. Они бросили скупые, ничего не выража-

ющие взгляды на меня. Это понятно: у каждого из этих крепышей по сабле, они в броне из какой-то спрессованной кожи с металлическими накладками, а я, худой и раненный, сижу с перевязанным тряпкой плечом, которое еще и втихара ныло.

Только я собрался поискать туалет, как меня подхватила под руки пара солдат и потащила.

Как оказалось, совсем поблизости располагалась камера для допросов – проще говоря – пыток. Когда отварилась дверь из темного дерева с приличными люфтами повсюду, я узрел скромный грубый деревянный стул и следы крови на нем, полу и стенах. Запахи заставляли напрячься и одновременно вызвали желание сходить в туалет еще больше. Сразу все стало ясно.

Меня привязали к стулу, любезно освободив от штанов, и я увидел серого мужика уже в другой, божественно, или, скорее, дьявольски прекрасной броне. Видимо, из сплава того же черного металла и еще чего-то. Мне уже было почти все равно на то, что все эти черти серые, как будто пеплом измазанные; я просто обалдел от его брони. Она почти нагло сворована откуда-то из картотеки моих старых паттернов: в черном, как нефть металле в сантиметр этак толщиной, время от времени переливались желтые с красным оттенком красок, а, быть может, чего-то более совершенного. Воплощение войны, насилия, убийства, разрушения и капельки удовольствия. Он явно был выше званием.

Но даже все это полнейшая чепуха, по сравнению с тем, что случилось позже. Он умел говорить телепатически. Его речь вгрызалась в мозг, пытаясь найти путь в неподготовленный и приземленный разум. Я слегка расслабился, чтобы не стало больно. И первое, что он спросил:

– Кто еще с тобой?

К сожалению и к бессмыслию, солдат слева разрезал мне живот ножом и стал давить на рану. Я вскрикнул, но рот закрыли вонючей лапой.

«Ребята такие нетерпеливые! Чтоб вы сдохли!».

Сразу же последовал другой еле слышный вопрос:

– Зачем пришел?

Солдат уже готовился порезать меня, и я вскрикнул:

– Что... вы... хотите?! – под конец последнего слова у меня потекли слезы.

Они секунд десять стояли в ступоре, пока капитан не приказал подрезать меня еще.

Здесь я выстоял неплохо, даже не сразу поняв, где режут. Такое порой бывает, но продолжается недолго.

– Видел еще кого-нибудь из своих? – спросил офицер.

– Я один раз скажу, раз и навсегда: вы все глупцы, потому что пытаете не того, кого надо!.. Я сюда пришел, чтобы либо жить нормальной жизнью! Либо мгновенно умереть! – Злоба так и сочилась из моих слов, а слюна долетала до его ног, однако, была и позорная дрожь в своем голосе.

Опять не действовало: мне с руки срезали полоску ко-

жи. Черт, как долго твари это делали! Я отдышался и стал вводить себя в трансовое состояние, чтобы не чувствовать боль.

Тут же мне с хрустом разрезали треугольник на спине, и с противным чавкающим звуком отлепили его от меня. Все тело прострелила боль, холод и сразу жар. Я услышал крикливый женский плач из соседней камеры.

Мне сунули этот ошметок в лицо, и я не сразу понял – чтобы напугать, устыдить или что еще. Я сделал еще один безумный поступок, лишь бы хоть как-то закончить эту фазу общения.

И вновь послышался голос:

– Ешь...

«Ты серьезно? Сколько раз надо тебя послать?».

Однако вскоре окровавленный нож, с которого еще капало, притулили в сантиметре от глаза.

Было тяжело. Одно дело – жевать заусенцы, и совсем другое – есть «это». Вновь противный хруст. И вновь рвота. Внезапно возникла мысль, что вскоре может прийти и обезвоживание. Хотя какая разница, если я сдохну раньше?

Я поднял глаза на гестаповцев: они, похоже, каждый день таким промышляли – ноль эмоций.

Затем вновь пришла обида: если бы хоть немного виновен был. Плоть у меня на удивление прочная, как резина – разгрызть на маленькие кусочки не получалось, плюс немного мяса, крови, соленого пота и грязи, даже волосок, как от сви-

нии какой-то.

Второй раз рвотные позывы я удержал. После таких титанических усилий даже йоги для меня – слабаки. Самая глупая мысль меня посетила: «а ведь один кусочек почти откусил...».

– Как тебя зовут? – спросил офицер, и новая боль, – с живота срезали еще тонкую полоску.

– Евгений!.. – Язык заплетался, прилипал к небу. – Женя! Согласен! Пора менять имя...

Я засмеялся, а изо рта тянулась красная слюна, которую я незамедлительно сплюнул в его сторону. Но она упала мне на колени.

Немного погодя, офицер спросил меня, что мне отрезать дальше. И сразу же с грязными ножницами потянулись к моим пальцам на ноге.

– Мочку уха! Мочку уха! – крикнул я про никому ненужную висюльку.

Так дикарь слева и поступил. Я боялся, что из-за нерва оглохну на всю жизнь. По шее и по ногам потекло...

Разумеется, это не произвело на них впечатление. Разумеется, мочку тоже запихали мне в рот, и эту гадость я почти сразу проглотил.

Больше всего меня бесило, что они вовсе не дают мне времени ни на подбор слов для ответа, ни просто для моральной подготовки, мобилизации организма. Просто брали и делали со мной, что хотят. Просто пользовались, как вещью. Я

из одного поганого местечка, частенько унижающего достоинства своих собственных детей, свалил не для того, чтобы сразу в такой же гадюшник угодить. Правда, может быть, они просто расисты?

Где-то с минуту эта серая венозная мразь стояла и думала, что со мной делать. Спешить уже было некуда. Меня разморило, и я наклонил голову, надеясь поспать. Офицер все-таки отдал приказ развязать меня. Хотелось даже не слышать и не чувствовать этого, но отключаться организм не собирался.

Меня, голого, потного, вонючего, трясущегося, всего в крови потащили под руки из камеры, и я ощутил холодок облегчения, что теперь-то уж убьют – все равно урод еще больший, чем был. Все уже казалось каким-то отдаленным, словно произошло не со мной, а с кем-то другим. Просто хотелось прилечь отдохнуть, лишь бы поскорее этот кошмар закончился.

И проходили мы именно мимо той камеры, откуда доносились женские крики. Дверь была открыта – чего стесняться-то – все свои. Тут уже к стулу была привязана абсолютно голая девчонка. Ей отрезали волосы, порезали бока, и из-под нее со стула также текла кровь. Она и так была не Венера – можно сказать – «самая усредненная модель», так у нее еще и слегка помяли лицо. Оно было залито потом с приклеившимися остатками волос и растекшейся тушью. В общем, просто месиво. Я могу понять мгновенное убийство по мно-

гим причинам. Но зачем перед этим портить красоту женщины, не понимал никогда. Все равно, что пилить сук, на котором сидишь. Она плакала, а ей еще тянулись отхватить мизинец на ноге.

Странно это было очень – нелогично. Я сразу «обратился» телепатически к своему офицеру, и, по-моему, даже вскрикнул, что отдаю вторую мочку за ее свободу. Все равно уже мне все равно, к тому же – для симметрии. На меня оглянулись, подумали, посмотрели на офицера. Он кивнул, и тут же кто-то отхватил мне правую мочку. Очень практично с их стороны везде носить с собой ножницы и весьма гуманно делать это быстро и неожиданно, не растягивая удовольствие. Я вскрикнул, сердце екнуло, но организм выделил уже достаточно болеутоляющего. Как только я вспомнил про морфин и эндорфины, и что их выделяет, боль внезапно исчезла, оставив шутливое жжение.

Девчонку отвязали. Она забавно всхлипывала, надевая нижнее белье на свои законные места. А у меня опять закружилась голова. Я боялся, что тип на улице ударил меня слишком сильно и вызвал сотрясение. Однако, рассчитывать на заботу не приходилось. Дабы облегчить работу организму я продолжал расслаблять тело и разум. Выходило это на удивление просто...

В коридоре солдаты сказали нам сесть на ступень. Уговаривать нас не пришлось. Мне вдруг стало смешно: как же легко и просто все становится в таких условиях! Я бы, навер-

но, даже язык их понимал, если бы мне было чуточку меньше наплевать.

Вскоре нам дали несколько отрезков жесткой прочной ткани, здоровые иголки, пару бутылей из непрозрачного стекла, или бог знает чего, «ножницы» чуть помельче виденных, и два темно-зеленых балахона из такой же простецкой грубой ткани. Да это вообще напоминало мешковину. В бутылки был бензин или похожая вонючая гадость. Изверги хотели, чтобы мы сами себя подштопали. Не будь я в таком убитом состоянии, я бы подробнее осматривал их утварь, но я даже на полуголую девчонку не смотрел, и тихо, мирно, размеренно занимался делом. К тому же, я надеялся, что еще будет возможность.

Лечебные процедуры отняли много времени, зато успокаивали и убаюкивали. Можно даже сказать, чересчур. К тому же, это на Земле я дорожил временем и торопился, непонятно зачем и ради чего или кого. И вполне возможно, что тут, в Аду-2, как я окрестил эту планету, торопиться тоже незачем, только чуточку по другим причинам.

Когда девочка немного остыла, я узнал, что ее зовут Юля, и попросил помочь с недосыгаемыми участками. Я не просил напрягаться – просто сделать, как рука возьмет. Она зашила все, что можно было зашить (я почему-то поверил), и приложила пропитанные антисептиком шмотки к ранам. На все это безобразие мы осторожно надели свои новые одеяния. Несмотря на кажущуюся вначале жару нам стало холодно,

и обноски оказались очень приятны и теплы. Старая одежда загадочным образом исчезла – наверное, забрали, как сувениры.

Едва мы с Юлей задрали ноженьки на «скамейку», а головки непутевые коснулись ладошек, я отрубился.

«И пусть хоть все катится к дьяволу, а пока Женечке надо поспать».

Меня разбудили, сильно тормоша за здоровое плечо. Сразу проклятые раны дали о себе знать. Слава богу, хоть не свалился на жесткий пол – и на том спасибо.

Оказалось, мне принесли лохань с мутной похлебкой и кружку воды. Я даже проверять ничего не стал – тут же выдул воду залпом. Пол-литра было мало.

Муть отдавала землей, и вскоре я решил тщательнее пережевывать. Не знаю уж, что туда наложили. Вроде, что-то типа грибов, какая-то темная листва, и много мяса, похожего на говядину. В памяти всплыло множество вкусов и ощущений: ботвинья, которую я пробовал раз в жизни; шершавые листья липы, которые жевал в детстве; кинза, которую презираю всей душой. Но чуть погодя, распробовав блюдо как следует, я ощутил другие вкусы. Тут был и жареный лучок, и солененькие маслята, и родные жирные щи с чесночком, и прекрасный – как Священный Грааль редкий – не жилистый шашлык. Я сразу настроился на нужный лад, вспомнив, что эта пища оздоравливает меня, делает меня сильнее. После этого я наслаждался, медленно пережевывая и причмо-

кивая, представляя, как каждая молекула впитывается и всасывается в мое тело, заменяя собой все недостающее. И каждая ложка бульона была словно живительная кровь для вампиров – с такой же сумасшедшей жаждой и упоением я его глотал. Вновь стало тепло и уютно, хотя похлебка уже почти остыла. Расправившись со всем до последней капли, я глубоко вздохнул, как следует распрямился, и в очередной раз по спине пробежали мурашки. Я постарался задержать это состояние. И да – они послушно пробежали вновь.

После Божественной трапезы я с пустой посудой в руках стал озираться. Я искал Юлию, исчезнувшую, испарившуюся, как все в моей жизни. Как ни странно, мне удалось ее увидеть вдалеке, но меня опять поманил солдат. На этот раз в третьей разновидности брони. У меня забрали посуду, и повели наверх по лестнице. Забавное ощущение от ставшего мягким балахона, гладящего и щекочущего кожу при ходьбе. Я настроился на позитив, и жалкие ноющие ранки заткнулись.

Было здорово, мне довелось узреть другие этажи. Они ничем особо не отличались: на первый взгляд сплошные антресоли по всему периметру, и куча, совсем уж наглухо закрытых, и от блудливых глаз сокрытых тьмой и пылью повсеместной, комнат. Между этажами было метров по пять, и топать по лестнице было не самым приятным занятием. Зато на четвертом этаже, когда я глянул вниз, можно сказать, с высоты птичьего полета в пасмурный день, ребята на пер-

вом этаже выглядели не такими уж могучими. Они были почти как бесцельно ползающие букашки, которых я бы с радостью раздавил башмаком. Или, на крайний случай, напрудил бы им на головы, как в анекдоте про времена апартеида.

Здесь стоит отметить, что во всей Крепости было темнее, чем на улице, что тоже немного давило на глаза и психику. Судя по всему, мне предстояло привыкнуть к дополнительной тягостности царящей здесь атмосферы. С другой стороны – всегда уместно желание прилечь.

Начиная с пятого этажа пол занимал всю площадь, полностью отгораживая его от взоров обычных смертных снизу. Я успел заметить несколько бойниц или прорезей в стене, прежде чем меня увели еще выше.

Шестой этаж венчал главную башню; самый узкий, хотя и его суммарная площадь доходила, наверное, до трети футбольного поля. Здесь были и самые высокие потолки. Лестница уводила выше, к закрытой двери, скрывавшей – не иначе – вход на крышу. Но посмотреть и здесь было на что.

Сразу, как мы поднялись, я увидел четыре вполне аккуратные и прочные двери и пару широченных проемов, за которыми виднелось небо, и манил прохладный ветерок. Ближе к небу – проще дышать (насчет альпинистов утверждать не стал бы сразу). Там были огромные балконы, и, проводив меня прямо до одного из них, солдат кивнул головой, чтобы дальше я пошел один.

На балконе я сразу чуть не отскочил от неожиданности:

в паре метров от меня стоял здоровенный гуманоид в броне, совершенно непохожей ни на одну из виденных ранее. Она вся как будто состояла из красного металла, белых рогов, черных шипов, желто-зеленых прожилок и бог еще знает чего. На этом существе был устрашающего вида шлем, немного напоминавший самурайский. В общем-то, своей пестротой, обилием ненужных выделяющихся деталей брони тоже смахивала на самурайскую. Трудно было сказать о комплекции этого гуманоида из-за столь пышных и навороченных доспехов, но он явно был и шире и, возможно, даже выше меня, что для местных карликов просто недостижимо ни при каких обстоятельствах. Очевидно, он здесь главный.

– Здравствуй, Евгений. Я Генерал, – начал он громко и вкрадчиво говорить мне прямо в мозг, слегка прикрыв глаза.

– Здравствуйте.

– Задавай вопросы.

Мне как-то поначалу показалось странноватым то, насколько разительна разница между теми, кого я считал дикарями внизу, и этим, можно сказать, воплощением... чего-то. Всего-то надо было на пять этажей, или метров на двадцать пять-тридцать подняться – и как будто другой мир!

– Они не дикари, – услышал он мои мысли. – Это все чингаре. Можешь так называть нашу расу. Все, кто располагается ниже – мои солдаты. Те, что тебя встретили, когда ты только сюда прибыл – обычные солдаты. Если выслужатся, могут

стать сержантами и капитанами – ты со всеми уже сталкивался. Их легко отличить по обмундированию.

Все время казалось, что мне и говорить ничего не надо – вся информация и образы сами возникали в уме, так что я понимал, что он имеет в виду. Как и у того мужика в допросной – это действительно была телепатия – вещь сверхъестественная. А тем более – такого уровня и почти безупречного качества. Человечеству, по моим прогнозам, до такого уровня еще не меньше тысячи с лишним лет развиваться. Но, во-первых, это совсем другой мир, где может быть не так все, что угодно «должно быть». Во-вторых, я и на Земле сталкивался с зачатками похожих, не совсем обычных, а по сравнению с убогой повседневной жизнью, и вовсе немислимых явлений, так что не стал слишком сильно удивляться. Я просто решил смириться с неизбежным фактом, что я пока тварь дрожащая по сравнению с ними, даже не смотря на то, что они более наглядные дикари, чем мы. Как всегда: я постарался быстро успокоиться, не позволяя себе делать столь желанные преждевременные суждения, а эмоциям – мешать; собрался и стал внимать его словам.

– Правильно. Ты все понимаешь. – Голос его был таким, будто им можно горы разрушать или заставить всех бегемотов с белыми медведями местами поменяться. Но в то же время, когда я расслабился, он звучал мягче и логичнее, что ли.

– У вас всегда так с гостями обращаются? Или мы плен-

ные или подозреваемые в чем-то? – расхрабрился я, уже не пытаясь особо «телепатить».

– Считай это процессом инициации...

Прошла долгая пауза. Он ждал, какие эмоции я при этом буду испытывать, а я даже не знал, что мне испытывать.

– Мне так и звать вас, Генерал? – спросил я, то и дело моргая.

– Да.

– Вы и на расстоянии у кого угодно из разума любую информацию можете узнать?

– Да. Теперь я у тебя кое-что спрошу. Зачем ты вошел в червоточину? – он повернулся, и желтые глаза в прорези шлема с интересом вгляделись в меня. Сам факт подобного вопроса говорил либо о том, что в моем разуме эта информация слишком глубоко спрятана, и ее трудно четко сформулировать, либо ответ должен прозвучать скорее для меня.

– В каком-то смысле, мне больше некуда было идти. Я устал там жить. Я устал там существовать и выживать. Нигде раньше не был, и вот решил глянуть, что по эту сторону двери, пусть и рискуя жизнью.

– Ты знаешь эту девчонку, Юлию?

– Нет.

– Тогда почему заплатил за нее такую цену?

– Неизвестно сколько здесь землян, и каково мне было бы совсем без них. Тем более землянок... – Я улыбнулся глазами. – Хотелось с какой-то более радужной ноты и правиль-

ного выбора начать свое пребывание здесь.

– Долго пребывать собрался? – он спросил это безэмоционально, но стало немного забавно.

– До самого счастья.

– Будешь тренироваться, драться за меня. В Крепость заходить только за лечением, едой или когда я скажу. Будешь делать, что я скажу – скорее всего, не умрешь.

Я кивнул.

– Будете жить в палатках. Сержант у лестницы тебе объяснит простые команды на чингарийском, – с них наш язык и начнешь учить. Все, уходи.

Без промедлений я вышел к лестнице, где меня все это время ждал сержант.

Глава 2

Когда мы спустились, сержант на пальцах, худо-бедно, матерясь, крича и плюясь, как несдержанная истеричная баба, все же смог объяснить мне азы. Сразу вспомнились курсы вождения. Я теперь стал гордым знатоком таких чингарийских слов, как «вперед», «выше», «вправо», «влево», «уклон», «атака», «защита», «прыгать», «кувыркнуться», и так далее. Язык у них конечно... Не то что не испанский – дай бог на финно-мандаринский похож.

Однако можно было особо не улыбаться – меня уже ждала первая тренировка. Уже! Я даже ходить и дышать здесь не привык; я весь изрублен в лоскуты и лоскуты носил. При первом же резком движении швы разойдутся. Я надеялся, что в первый раз мне будут делать поблажки, потому что это просто невозможная задача, и даже эти гении должны были об этом догадываться.

Мне выдали поношенные солдатские доспехи со шлемом – самые простейшие, что я здесь видел: какая-то коричневая, спрессованная с чешуей, мехом или вообще каменной крошкой кожа, и в самых очевидных местах металлические щитки с уплотнителями. Меч тупой, потертый, исцарапанный, как и броня. Гарда маленькая, но хоть была. С одной стороны клинок ближе к гарде был совсем не наточен, специально, чтобы давить второй рукой. Еще дали щит. Что

сказать: по-английски я бы называл его точно также.

Проводив меня на улицу, дикари встали по периметру яростно и часто обновляемого очерченного на земле круга диаметром метров в восемь и выставили перед собой щиты, чтобы отталкивать, если простора захочется. Меня вдруг взбесило, что я до сих пор не встретил Юльку. Я на горьком опыте убедился, что если в ближайшие день-два опять не увидеться с девушкой – можешь даже не надеяться когда-либо увидеть ее снова, – исчезнет похлеще Летучего голландца. И все равно, что ты ей отдашь: хоть мочку, хоть почку.

Я встал в центр круга с недовольной рожей и стал ждать, когда выйдет один из этих ухмыляющихся ничтожеств. Недолго ждал – первый тут же вышел и злобно нахмурился. Он начал атаковать. Первое время я тянул, и старался двигаться как можно более плавно, в основном за счет ног и пятой точки.

Парня это быстро разозлило, и он стал бить, не оставляя выбора. Я стал отбивать атаки щитом, пытаясь зайти за бок и сделать подсечку. Гаденыш постоянно убирал ноги с траектории. Зато каждый раз, когда он напирал на меня щитом, я отходил либо назад, либо в сторону. Ему с его силищей можно было вообще ничего не делать – только отбрасывать меня, и рано или поздно, я бы себе что-нибудь повредил.

Так и происходило с минутой-полторы. Два раза дикарь свалил меня с ног. Черт, падать здесь еще больнее! Один раз

я, повинуюсь инерции, с немыслимого, балетного разворота расцарапал его бедро. Ребята в кругу тихо хихикнули. Это оппонента разозлило, и он начал яростнее бить мечом. Сначала я отбивал неуклюже, чтобы усыпить бдительность. Потом стал использовать обманные маневры и вырисовывать изгибающиеся траектории. Временами мне даже удавалось сделать по два ложных выпада перед одним, по-настоящему опасным.

Несколько раз мне кричали что-то вроде «меч выше!» и «атакуй!», когда я мешкал. Но все это не имело особого значения, потому что я, мало того, что был слабее, но еще вчерашние раны разошлись и я устал, жадно вдыхая воздух. Этому бугаю, разумеется – хоть бы хны.

В итоге, когда противник прорубил мою броню и слегка рассек от бедра до таза, скользнув по ребрам, я присел и наугад ударил тяжелым щитом вверх. Оказывается, он продолжал наступать, и благодаря длине своих никчемных культипок и щита я чуть не врезал ему в челюсть. Но на деле я лишь слегка коснулся его подбородка.

Он разозлился, сбил мечом щит с пути, пнул меня в грудь и кинулся на лежащего с мечом. Я попытался сбить его коленом в бок. После нескольких неудачных попыток, мне закричали «сдавайся». В глазах помутилось, и я не сразу сообразил. Только через секунду увидел острие меча у горла и тогда энергично застучал ладонью по удивительно гладкой земле.

Как же, черт подери, я устал и запыхался – боялся, что сердце не выдержит. Опять. Бедное. Мне протянули руку и помогли встать. Дали минуты две на отдых, а затем стали показывать разные простые движения. И ими добились меня окончательно. Я старался вникнуть, заинтересоваться, чтобы не замечать мучений – повторял все, как актер, которому заплатили. Но вскоре они совсем перестали ухмыляться, ибо занятие стало скучным и вялым для всех присутствующих. Видимо, сначала достаточно было узнать, как я вообще держусь.

Даже я заметил ручейки крови, текущие по ноге, руке, да вообще повсюду. Мне поначалу хотелось сказать, что так себе из них учителя, но позже я понял, что не все так безнадежно. Хотя одному только Богу известно, что они от Юлии ожидали. Быть может, каждому свое: у меня была хоть какая-то сила, но не было выносливости и легкости, и я сильнее ранен; она, в принципе, могла рассчитывать на юркость, ловкость и скорость. Но опять же – из-за гравитации любым объектом махать тяжелее, и я не помнил, сколько точно месяцев нужно человеку, чтобы приспособиться к подобным изменениям.

В общем, тренировка отняла минут двадцать. Когда я уже делал уклоны, едва не падая, чингаре помотали головами и отпустили меня в Крепость на перевязку. На улице еще было светло, а я как будто всю ночь товар в магазине разгружал. Если бы с меня что-то упало, я бы это вряд ли заметил.

Доковыляв до центра площадки, я показал на раны и на пальцах спросил, где здесь перевязочная. Мне показали несложный путь в один из корпусов-отростков Крепости.

«Прекрасно, теперь и один из шаров изнутри увидеть доведется. Все больше нового открываю».

Найдя нужную дверь, я впервые увидел их женщин. Немного удивился, и тут же по лицу неконтролируемо растеклась улыбка. Такие они прикольные. Я и раньше, наверняка, мельком видел пару представительниц, но не успел рассмотреть. Здесь и так головой на триста шестьдесят градусов круглосуточно можно, а то и нужно крутить.

Чингарки тоже были серокожие, но, возможно, чуть светлее. Волосы у большинства были темные, вплоть до черных, как смоль. Росточком, естественно, небольшие, даже чуть ниже среднестатистических земных женщин, то есть для меня вообще гномы. Но зато и среднестатистический размер груди явно не отставал. Эта планета не сыграла злую шутку со своими жителями, в наглую нарушая незыблемый принцип баланса. И попки с бедрами, разумеется, были на уровне – здесь же всех и вся сжимает и заставляет напрягаться... Все это было нетрудно определить, ибо почти все девушки в больничном отделении были одеты в обтягивающие серо-красные платья до колен в китайском или японском стиле (смысл запоминать, если сами хозяева, держу пари, не разбираются). Ну и, разумеется, платья были с небольшими вырезами на груди, чтобы пациенты успокаивались

побыстрей и помалкивали.

Когда они посмотрели на меня, мою улыбку, видимо, оценили не все. Либо просто серьезно относились к работе. В самом деле, чего улыбаться-то, когда кровь из тебя течет?

Меня попросили снять броню и сесть на стул, который был на удивление удобный, особенно по сравнению со «скамейкой» в холле. Я сидел в одних трусах, а вокруг меня хлопотали сразу три чингарки. Как минимум полторы из них были хороши личиком, и я уже как-то позабыл о ноющих конечностях, усталости, тленности бытия и вошел в состояние приятной истомы.

А еще мне сразу показалось, что здесь преобладают порядки патриархального характера. И, как ни парадоксально, патриархат дамам в чем-то удружил. Например, за счет того, что их не гоняли, как мужиков в плане драк и физических нагрузок, они не были венозными, а кожа на вид приходилась весьма нежной. Но разве имеем ли мы право утверждать, не убедившись несколько раз?

Все раны промочили тряпочками с этим бензином и опять зашили. Новые повязки, где-то приложили и приклеили желтой слизью без запаха, а где-то просто обмотали.

Доспехи дамы оставили себе, чтобы отмыть от всяких бяк жизни, а мне указали, куда надо идти, чтобы поесть. Девушка и в правду показала жестом, как люди наворачивают ложкой, и мы заулыбались. Такие моменты в жизни выделяются фосфоресцирующей памятью жестом «нолика» с улыбкой.

Опять же – то ли еще будет...

Примерно в указанном направлении я вскоре нашел почти пустующую просторную, как и все здесь, простую, скромную, темную и суровую столовую. Здесь мне дали ту же похлебку, что и раньше. Жаль, но первый опыт почти всегда самый обильный и сладостный.

Надо признать, от такого медицинского сервиса у меня голова пошла кругом. Но когда я вышел наружу и вспомнил про палатку, я быстро отрезвел.

«Блин, я бомжара пархатый».

Ее уже заботливо разложили для меня – первый раз не стали учить самостоятельности. Скорее всего, тупо жалко палатку.

Крылья летучих мышей – первая ассоциация, которая возникла у меня при рассмотрении материала. Сшитых, разумеется, множеством грубых швов. Но издавека она почти ничем не отличалась от светло-коричневой туристической, произведенной в Советском Союзе. Помню папину – не жаловался – юн был.

Внутри лежало огромное и довольно толстое одеяло из нескольких слоев мешковины, что на мне. Оно манило меня свалиться и отрубиться часов на восемь. «Дома» я страдал бессонницей, так что восемь часов – это почти недосягаемый для меня барьер. Однако, я решил повременить и немного прогуляться, чтобы найти палатку Юлии.

Это и обрадовало, и одновременно разочаровало. Я уви-

дел сразу несколько таких же палаток... Да еще и чуть не по другую сторону от отростка-корпуса.

«Ага, сволочи, я вас, „защитничков“ чертовых, непонятно зачем прячущих от меня женщин, еще на Земельке повидал вдоволь».

Но «смелость, терпение, интеллект, хитропопость, подлость, деньги и прочее города берут», и судьба в очередной раз здесь вспомнила про мое жалкое существование – она вознаградила мои труды. Как раз в ближайшей ко мне палатке Юля, видимо, расстилалась поудобнее и на мгновение встала, чтобы размять спину и ноги. Невероятно, что она вообще так поступила.

Вообще в такой кондиции на свидание идти негоже. Бывало и меньше причин для осечек... Хотя. Единственная причина осечек – это предательское поведение неконтролируемого разума.

«Блин, я правда такую мудрость сморозил? Надо разжиться писательскими принадлежностями. На родной планете всем матным словом было все равно, что бы я ни писал, но здесь в этом может быть больше смысла».

Было еще светло, так что я выжидал, когда все отвернется, и только потом пробежал или прокрадывался. Наконец, мне удалось достичь заветной цели, и, пока никто не видел, я открыл ее палатку. Слава богу, она все еще была внутри и уже почти заснула.

Едва завидев меня, она откуда-то достала странной фор-

мы нож и набросилась на меня.

– Стой-стой-стой! погоди! – закричал я, одновременно лоя ее руку с ножом. Я старался кричать не слишком громко, и в целом изображать спокойствие, но эта психичка вынуждала шуметь.

Я посмотрел ей в карие глаза, и стал медленно отводить руку от ее.

– Я Женя. Без мочек который. – Я слегка повернул голову, чтобы она могла видеть. Это ее немного успокоило, хотя поначалу глаза у нее были бешеные.

– Зачем пришел? Насиловать? – спросила она довольно громко.

– Нам никак не дают даже увидеться, хотя тут кроме нас как будто из людей-то и нет никого. Я хотел хоть узнать, как ты. – Я говорил всю эту нейтральную чепуху, а у самого от глупости, слабости и какой-то необычной обстановки ощущались именно первые признаки эрекции от навеянной ею идеей.

– Нормально. – Она убрала нож и легла обратно на бок. – Спасибо, что помог.

– Можно с тобой хотя бы поваляться или поговорить? Хоть не в одиночестве.

– Оставайся. – Юле как будто было все равно, так что я лег рядом на спину и вздохнул.

– Тебя не сильно ранили сегодня на тренировке? – заговорил я, чтобы она не уснула.

– Нет, нормально. Вот, даже нож дали, чтобы защищаться от таких, как ты.

Я улыбнулся.

– Слава богу, от меня не надо. Я только с самыми благими намерениями.

– Ага, – сказала она и повернулась ко мне лицом.

Я слегка улыбнулся и стал рассматривать ее.

– Ты уже лучше выглядишь, чем вчера, – заметил я.

– Да. Только волосы отрезали и бока разрезали... – Она усмехнулась. – Ну еще в меня какие-то уроды пальцы совали. И ты меня голый видел. А так ничего – все вообще отлично.

– По-моему, с короткой стрижкой, ты тоже очень милая. Может, здесь так даже удобнее, – решил я пошутить после некоторой паузы. И мне удалось вызвать у нее небольшую улыбку. В такой ситуации все звучало, как шутка.

– Рассказывай: сколько тебе лет? Откуда ты? – спросила она.

– Мне двадцать восемь. Из Самары.

У нее тут же расширилось все, что можно, от удивления.

– Ничего себе! На десятку старше меня! Не, я с тобой спать не буду, – сказала она с разочарованной улыбкой.

– Значит, по внешности, ты бы мне гораздо меньше дала?

– Ну не гораздо, но ты хорошо сохранился... Уже разговаривал с тем монстром наверху?

– Да.

Я не удержался и засмеялся.

– Блин, вот застряла – двадцать восемь!

– Да ладно, если так посудить, Еву из ребра Адама сделали. Выходит, она родилась позже. К тому же, в суровых условиях, как здесь, люди быстрее взрослеют, так что время относительно... Да и вообще, блин, у нас тут проблемы, по моему, похлеще есть, – парировал я.

Она призадумалась, но не придала сказанным мудростям должного значения. Меня редко слушают. Глупцы.

– А зачем ты сюда пришел? В смысле, зачем в воронку прыгнул? – вдруг спросила она.

Этот вопрос был для меня одним из самых нежелательных, особенно, учитывая обстоятельства. Но думать я не стал – вообще надо поменьше думать. Так что и здесь сказал правду, только самыми наинейнейшими словами:

– Я не был доволен жизнью там. Почти не видел в ней смысла, и всегда хотел какие-нибудь другие места повидать. Почти на любые был согласен. Вот и расхрабрился. А ты?

– Печально... – погрустнула она. – А мне просто было интересно, что это за штука. Любопытная дура. Подошла поближе – и меня засосало. Нетрезвая была – накануне только совершеннолетие с подругами отметили.

Возникла долгая пауза и долгий, но устойчивый зрительный контакт.

– Ты ведь мне ничего не сделаешь? – вдруг спросила она.

– Я не так двинуться-то боюсь, чтобы раны не разошлись.

Она посмотрела на меня с ироничной ухмылкой.

– Ну тогда давай спать. Устала очень. – Юля вновь повернулась ко мне спиной.

– Только я свое одеяло не взял, чтобы не слишком светиться. Твоим укурюсь – ничего?

– Ну укрывайся. Только помни – у меня нож есть... – промурлыкала она.

Когда я проснулся, она уже нежно целовала меня в губы. Едва-едва касаясь, словно не хотела спугнуть сонную морочку. Оказывается, пока я спал, я много ворочался. Хотя чего удивляться – с самого рождения ворочаюсь нахально. А тут еще это одеяло, в котором двоим нужно совсем прижиматься друг к другу, чтобы уместиться.

Я поддержал ее идею с поцелуями, и очень скоро мы стали целоваться взасос. Затем мы сняли с себя эти треклятые балахоны и стали трогать друг друга повсюду, осторожно ощупывая места ранений. Ну а потом пошла совсем жара.

На улице явно наступил вечер или даже ночь; стало прохладнее. А у нас тут жара. И не знали мы, куда можно идти, что можно еще делать, и не хотели. Зато знали, что хотели дубль два – в еще более животном стиле. Все измазались в крови, и даже мысли, что делаем больно друг другу, не возникло.

Когда мокрые легли, прижавшись друг к другу, чтобы пе-

ревести дух, промелькнула мысль, что до следующей кормежки еще долго. Надо было как-то промотать время...

После очередного захода, когда она легла на меня, я захотел рассмотреть в темноте ее глаза. Вот примерно в этот момент мне показалось, что я супергерой, и что это похоже на нужность. Ну стоны, конечно, антуража добавляли, что есть мощи. Но и эта глупость улетучилась также быстро, как появилась. От такой нежности-безмятежности моя злока-бессонница неожиданно прогнулась – ишь ты – нахалка!

А вот с утра нам уже пришлось несладко. Как только мы проснулись, я рванул в свою палатку, и меня, разумеется, заметили. Скорее всего, чингаре несут караул и днем и ночью, так что повезло, что хоть ночью из палатки не выкинули.

По пути меня перехватили, – и опять тренировка в тех же доспехах и с тем же мечом. Только я размялся на базовых движениях и встал в круг, на меня без церемоний накинулся солдат со своими атаками. В этот раз битва происходила агрессивнее и быстрее, ухмылки на рожах даже не появлялись.

Мне кричали: «убей!», и я действительно пытался это сделать. Провернул один раз нестандартный маневр, прижавшись к противнику спиной, и почти повалил его, но тот чудом извернулся в последний момент.

Эти чертовы щиты хоть и были непрочными для тренировочных боев, но настолько огромные. Они закрывали этих ребят почти полностью, и становилось непонятно, как их во-

обще можно достать.

Когда мне дали минуту отдыха, я попросил второй меч вместо щита. А также я заметил вдалеке еще один такой же круг, но Юли не было видно. Резко накинувшись на противника, я стал осыпать его ударами с разных сторон. Естественно, все они приходились в щит и в пустоту, но один маневр почти удался, несмотря на рост. Я посильнее врезал по верху щита, представляя, как срежу его, затем резко уклонился влево, почти до земли, и успел задеть плечо противника. Он разозлился, и сбросил щит, за которым почти ничего не видно. Только он потянулся за вторым мечом, его окликнули.

Я ждал, медленно прохаживался и восстанавливал дыхание, пользуясь каждой секундой, чтобы отдохнуть.

Вдруг, чингарин вышел из круга, а вместо него против меня выдвинули человека... Это был юноша, чуть моложе меня, но почти того же телосложения. В хитрющих глазах его чувствовалась опаска, но я знал по опыту, что все эти проявления эмоций перед соревнованием не имеют значения, и этот негодяй запросто мог усыплять мою бдительность, или просто раскошегариться в ответственный момент.

Мы бились на двух мечах. Буквально сразу бой превратился в мясорубку. Драться на двух мечах, пусть и тупых, очень трудно и опасно, так что я поначалу даже не находил возможности для атаки. Лишь изредка я делал показательные выпады и удары, чтобы не подумали, что я поддаюсь.

Когда я начал уставать, я опять приступил к обманным

маневрам. Я настраивал его на удары справа, чтобы потом резко ударить слева. Он не покупался, да еще и ткнул мне в руку.

Мы уже оба выдохлись, а него еще кричали «убей!». В итоге, в какой-то момент я наугад сделал два одинаковых рубящих удара ему в голову. Первый он отбил, и не ожидал, что второй будет точно такой же. Я обхватил его руку, резко пнул под правое колено и со всей силы ударил рукоятью левого меча ему по затылку, уворачиваясь от кастрирующего ничего. Он обвалился, как мешок с картошкой, выронив один меч, опять царапнувший меня в запястье.

Вновь со всех сторон закричали «убей!». Я склонился, взял его за шлем обеими руками и, вложив всю силу, свернул шею. Рука немного скользнула по задней части шлема, но я не стал больше ничего делать. Я просто забрал свои мечи и отошел. Гаденыш успел меня исполосовать, как старого быка.

Некоторые дикари глянули на меня, а двое осторожно подошли к телу, сняли шлем и потрогали шею.

Я ждал на безопасном расстоянии. Из раскрывшихся ран опять текли ручейки крови, а руки дрожали.

– Можно идти? – спросил я, указывая мечом на Крепость.

– Да, – ответил один из них.

Я отдал мечи и пошел в лазарет к дамам.

«Черт бы побрал эту слабость – никогда не привыкнешь, хотя с каждым разом должно быть проще. Может и не долж-

но: я же отнял чужой выбор навсегда. А как же моя жизнь?! На меня плевать можно?! Черта с два – пусть горят! Плевать – думать нельзя».

На душе стало приятнее и спокойнее. Вновь меня трогали нежные заботливые руки чингарочек, а я лишь сидел и с улыбкой ловил их взгляды. Даже не знаю, что в этих взглядах отражалось: любопытство, беспокойство или, быть может, желание. Я чувствовал, что я не мусор на свалке. Что я нужен, что меня ценят. Как будто я дома. Чувствовал, что это только начало. Захотелось свернуть горы, изменить саму реальность, глаза метали молнии обо всех бесчисленных смугленьких красоток, что проходили в городе моем ненаглядном и чудесном.

Интересно, а схватить кого-нибудь и повалить себе на колени можно? Или опять каждая особь – чья-то жена/девушка/троюродная тетя? Я не стал рисковать, да и, кажется, с одной отношения уже стали налаживаться. Хотя, не дай бог накаркать.

Как и вчера, я проследовал в столовую, где неспешно кушал мясо неизвестных тварей. Вполне возможно, это были тушеные жуки, с которых сняли лишнее. Я так предположил, потому что в месиве лежали здоровенные вареные белые черви, заботливо порезанные на двухсантиметровые кусочки. Как бы там ни было, белок, а тем более – почти без жира – это не просто хорошо, а божественно. К тому же очень вышло сытно и даже вкусно. Как говорят: «просто пес-

ня». Да, музыки будет не хватать. Спасибо Богу, что создал меня с таким разумом – пусть с плохим битрейтом, но какой-то плей-лист всегда со мной.

Вот, в общем-то и все, чем запомнился этот день. Даже странновато. Хотя, с моей памятью и это ненадолго запомнится. Зато вечер и ночь запомнились еще лучше.

Я опять забрался в палатку к Юленьке, и мы сразу приступили к страстному делу. Было жарко, неудобно, но все равно так приятно, что валились с ног мы оба дня – и утром и вечером, да и ночью. Она стонала, выгибалась, прижималась каждые удобные моменты; позволяла трогать ее когда угодно, и я ей, разумеется, по логике вещей – вестимо.

– Почему ты так ненавидишь Землю? – спросила Юля, поглаживая меня по потной волосатой груди со свежим шрамом, про который я когда-то забыл.

– Я даже не знаю, с чего начать... Вот тебе пример: я первый вещий раз влюбился даже не на Земле, а здесь, в Аду-2, причем на второй день, если не в первый. – Хотя, можно сказать, что это был не первый раз, но все равно уникальный.

Она долго смотрела мне в глаза, я поцеловал ее, и она, прижавшись ко мне еще сильнее, продолжила:

– А «Ад-1» – это Земля?

– Пока не решил. – Я боялся нарваться на долгий ненужный философский разговор, в котором мы бы вышли либо с ничьей, либо победа была бы за мной, но с некоторой ценой. Так что я глубоко вздохнул и замолчал. Но не умолка-

ла Юля:

– Ты и людей ненавидишь?

– Подсознательно. – Выпалил я. – Они везде; они повсюду; они управляют Землей, и все на ней устроено в соответствии с их природой. Я ненавижу больше их природу – винить их не за что – в основном логичны. Так что, наверно, немного ненавижу и их, но не всех, разумеется... Есть достойные представители нашей расы.

– Врешь, небось – не «немного».

Видимо, я и в правду уже старый, или поколение сейчас там такое растет – еще более убитое, чем мое. Либо конкретно именно ей досталось. Или же я просто устал, и этот слегка укоризненный, подозрительный тон меня утомлял.

– Как думаешь, я забеременею? – сменила она, наконец, тему.

– Совершенно невозможно сказать. Хотя, я почти уверен...

– Скажи просто, что на душе, – перебила она меня.

– Уверен на восемьдесят, нет – на сто процентов, что забеременеешь, а вот когда и от кого – вопрос. От условий многое зависит: какой спектр солнечного света, какая атмосфера, какая гравитация, всякие стрессы – это сплошная терра инкогнита... Но любое существо же привыкает к новым условиям. Люди – чуть ли не лучше всех. Так что все будет хорошо. – Я поцеловал ее. – А ты хочешь ребенка?

– Ты такой милый. Успокоил – «от кого»... – с вялой

улыбкой заметила она. Я только после понял, какую чушь сморозил. Затем она выдержала паузу, вздохнула и продолжила еще тише:

– Хорошо, что мы с тобой встретились... Жаль твои мочки. – Она надула губки и сделала обиженное лицо, нежно потрогав уродливую красную блямбу на моем ухе. – Не больно?

– Ничего, в них все равно были угри.

– А что если я не хочу беременеть в этом идиотском мире? – спросила она скорее себя.

– Я вообще думаю, что надо нам держаться и говорить, что мы вместе. А беременность будет еще одним фактором, чтобы от тебя отстали со всякими тяготами и приставаниями. Вдруг они просто хотят понаблюдать за нами?

– Здесь так мажет по земле. – Она улыбнулась и развела руки. Это правда, даже у такой гравитации есть забавные моменты. – Как думаешь, отсюда можно увидеть Землю?

– Если есть большой телескоп, то можно.

– Где она? – произнесла она с ноткой надежды, как будто кого-то другого.

– Думаю, там. – Я указал пальцем перпендикулярно земле.

– Почему там?

– Мне туда смотреть удобнее.

– Как думаешь, мы сможем вернуться?

– Сто пудов будет такая возможность. – Тут я не врал – я действительно в это верил.

Наступила долгая пауза. Она вздохнула и сказала:

– Мне страшно...

Внутри что-то заныло. Я чувствовал ее страх, но не мог ничего сделать: ни поддержать, ни пошутить, ни сказать сколько-нибудь приятную правду. Мне тоже было страшно. Единственное, что я придумал, это покрепче обнять ее.

«Пусть пеленою нас укроет, от всего защитит и всем поможет».

После этого детка скатилась в дрему, а я опять начал пытать себя ненужными мыслями. Правильный ли выбор я сделал, если уже сейчас почти готов поджать хвост и просить вернуть нас. В принципе, девчонку встретил – к чему здесь дольше мариноваться? Да еще с риском, что она в уroda психологического и физического превратится.

Ночью меня разбудили интересные звуки. Я поднялся на колено, прислушался и даже не сразу понял, откуда именно они доносятся. Это была музыка! Юлька тоже проснулась и стала прислушиваться. Мы решили выйти из палатки и глянуть.

Метрах в ста пятидесяти от нас, вокруг костра, несколько чингар пели хором, притом и мужчины и женщины. Барабаны, флейты, другие духовые инструменты, напоминающие звучанием ни то орган, ни то баян с поющими бокалами, хотя вряд ли ими являющиеся. И, подумать только – горловое пение! Не представляю, сколько они репетировали, чтобы добиться такого звучания, в котором все сливалось воедино настолько органично, что ни один элемент не выделялся едко.

Словно основной задачей была именно однородность.

Мы подошли поближе, чтобы полюбоваться. Девушки и парни играли и на струнных и на погремушках. Даже прислушиваясь к какому-то определенному инструменту я не успевал понять, как вообще это может сочетаться с остальным. Многие музыканты прикрыли глаза, а на их лицах застыла улыбка блаженства. Надо было идти обратно, но не хотелось отрываться. Единственное, чего хотелось — чтобы Божественная музыка уносила мою душу в те благие места, в которых, я уверен, прячут только свободные духи. Начала кружиться голова, и я присел неподалеку.

Когда Юля, сумевшая выстоять перед пением сирен, дотронулась до моего плеча и позвала, я послушно проследовал за ней.

Глава 3

С утра нас позвали на кормежку, а потом к Генералу. Подниматься по всем этим ступенькам на тридцать метров было пыткой. Черт, да для меня на Земле-то на десятый этаж подняться пытка! Ведь могли бы какой-нибудь, хотя бы примитивный лифт на противовесах сделать, но нет – видимо, на то и расчет: чтобы все мы чувствовали, как он высоко, и как тяжело до него дотянуться. И чтобы ноги тренировались. Но зато перед последним этажом, в слепой зоне, мы с Юленькой остановились, чтобы поцеловаться. Мы прятались от посторонних взоров. Мне лично было все равно – я уверен, что кто угодно бы все понял с одного взгляда.

Я вновь нашел еще один положительный момент: в конце всегда ждет награда. Конец тяжелого пути, облегчение, перевод духа, преодоление обезоруживающей преграды и беседа с этим «товарищем». Хотя, после такого пути на эту награду почти начхать, но вот вид оттуда открывается изумительный. И ветерком обдувает – прям блаженство. Так что я их простил.

Сначала Генерал поговорил с Юлькой. Та ушла со смурным лицом. Затем он через стенку телепатически позвал меня к себе на балкон. Жаль, что опять на тот же – не самый удачный символизм.

– Как ощущения после убийства себе подобного?

– Я уже мочил людей... – Я все еще по привычке иногда говорил некоторые слова вслух. Хорошо хоть, что быстро замечал. – Можно много говорить и много думать, но не вижу смысла. Хотя мне пришла забавная мысль: я еще и от потенциального конкурента избавился.

– В чем он с тобой конкурировал? – без особого интереса спросил Генерал.

– Работа или должность достается только одному; со стола все расхватывают с огромной скоростью – едва успеешь сообразить и добежать до чего-то вкусенького. Да и извечная борьба за самок. Еще несколько минут, и он бы уже прохаживался с Юленькой, заставляя ее краснеть или смеяться, а вечером или ночью вообще бы уже трахал, как пить дать. Меня жизнь на Земле научила нескольким правилам: «Кто успел – тот и съел», «в большой семье забралом не щелкают», «человек человеку – волк», «живем в законе джунглей» и так далее. Нужно быть готовым чуть ли не кусок от чьей-нибудь ляжки оторвать, лишь бы по головам подняться. В детстве даже игра такая была: стульев меньше, чем детишек, и нужно успеть хоть какой-нибудь стул занять, а проигравший остается стоять униженный. Я уже тогда думал: «отчего это родители и прочие взрослые с улюлюканьем поддерживают эгоизм и унижение?».

Генерал лишь улыбнулся.

– А что за музыку играли вчера ночью? – вспомнил я.

– Песня для душ. Чтобы им было хорошо.

– Чудесная.

– Надеюсь, ты успел натрахаться с Юлией... – перешел он к делу.

Фиолетовое небо нахмурилось, загородив еще более темными тучами оранжевое солнце, и поднялся ветер. Моя любимая погода.

– Сомневаюсь, что это возможно, – смело, честно и без капли сожаления ответил я, зная, что за проявление джентльменства мог получить пощечину, от которой бы отлетел.

– С сегодняшнего дня увеличиваю ваши тренировки: теперь полный набор. Сержанты и капитаны введут вас в курс дела. И еще: с сегодняшнего дня регулярно сдаешь семя и кровь. Ступай в доильню – тебя ждут.

Мне не послышалось? «Доильня»?

– Стоп, погодите-ка, а-а, у меня есть вопросы...

– Иди. Сейчас же, – проявился его недовольный тон.

Пара сержантов внизу перехватила меня и повела в какую-то темницу с кроватями и цепями, утопленными в каменные стены.

Слава богу, я хоть был здесь один. Ну кроме этих двух кретинов, от которых я легко мог сбежать, если бы был толк.

– Снимай, – буркнул один из сержантов, потянув меня за балахон, который, несмотря на свою скромность, уже начинал мне нравиться.

Я снял, и в голове только одно: «Хоть бы не геи, хоть бы

не геи!».

Вдруг в темницу зашло несколько чингарок в светло-коричневом и черном нижнем белье, и от сердца немного отлегло. Я облокотился на стену с закрытыми глазами и выдохнул.

Девушки с относительно спокойными лицами подошли поближе, а сержанты приковали мои руки к цепям. Дамы посмотрели на сержантов, как бы говоря: «Видите? Послушный». Те переглянулись, грозно посмотрели на меня – как будто я, прикованный в одних трусах, представляю опасность, – и ушли.

«Вот так-то, ушлепки, у меня хотя бы секс будет, а вы завидуйте!».

Ноги приковывать не стали. Чингарки сняли с меня трусы и сами разделись догола.

Меня начали трогать и ласкать, и поначалу было немного неловко. С меня аж пот покатился. Но затем я заметил, что некоторых из них я уже видел среди медсестер, да мы и находились в их блоке, так что я понял, что я в надежных руках.

Я пошире расставил ноги, и потянулся к одной губами, пока остальные колдовали внизу. Они массировали мои мышцы, водили по всему телу, кое-где даже сжимали, щипали и царапались, улыбались и тихонько хихикали, но я ничего смешного не видел.

В похвальном состоянии держали свои тела! Я тянулся к их упругим выдающимся особенностям инстинктивно. По-

ка меня трогало и массировало, бог знает, сколько сексуальных рук, и терлись, то о ноги, то о живот большие смуглые груди, я целовался то с одной, то с другой, покачивая тазом, чтобы «втереться в доверие». В общем, разум мой помутился. На секунду всплыла в памяти Юлька, но я подумал, что отработаю.

То руками, то ртами, – сила сжатия увеличивалась, и две из них держали наготове что-то наподобие воронок. Я уж даже перестал всматриваться, кто из них красивее – столько сексуального, разгоряченного мяса – хотелось всех и сразу, притом, чем больше – тем лучше.

Девушек было пять, они целовали мою грудь, проводя по ней рукой. Можно и без зрения, по одному касанию понять, сколько в нем желания. «Взвешивали мешочек» мой внизу, стимулируя нужные им процессы, так что никак кроме доильни это назвать было нельзя.

Когда стало невтерпёж, я сказал им по-чингарски: «Сейчас конец!». Одна из пятерки подставила свою воронку и сцедила все туда. Затем она легла на кровать и залила содержимое в себя, оставаясь лежать на спине с согнутыми ногами.

Я не собирался останавливаться на достигнутом, и сказал, чтобы они продолжали. Я не сильно задумывался, на каком языке я говорю: возможно, синонимами их языка, возможно на русском, возможно вообще телепатически, возможно, было достаточно просто потянуться к их лицам. Они слегка

брали меня за горло и все равно целовали, произнося что-то. В любом случае, в этой ситуации недопонимания не было.

Когда меня, весьма умело и влажно, возбудили второй раз, я стал натягивать цепи, брякая ими, и смотря то на цепи, то на суккубов. Пара девушек осторожно отстегнули узы.

Я тут же направил их руки куда надо, поцеловал ту, у которой тоже была воронка, прижал ее к кровати и принялся за нее. Вот – что называется «поддержкой»! Именно так мне и нравилось: когда все натурально, и множество рук страстно желающих меня женщин ласкает меня в ожидании. Они буквально выжимали все мое тело.

Намедни я в третий раз лишился мерзкой «чистоты», а сейчас первый раз лишился ее в групповом плане.

Когда очередная красотка застонала совсем громко, во-рвалась стража, и, увидев происходящее, приставили мечи мне к горлу. Я лишь поднял от нее руки вверх, и, так как ничего больше не мог с собой поделаться, потихоньку продолжал свое грязное дело тихой сапой, как будто, чтобы никто не заметил, что творится.

Дамам удалось прогнать этих глупцов, и я еще больше вошел в раж, сжимая девушку в разных местах все сильнее.

Под конец я повернул медсестричку в любимую позу и сделал то, зачем они пришли. Так, как они и хотели. Так же, как я делал с Юлей.

Вновь я выдохся. Девушки пытались меня возбудить, а я лишь наслаждался моментом. Когда я понял, что ждать при-

шло бы слишком долго, я сказал: «Надо идти. Еда, тренировка». Еще не переведя дух, я поцеловал их разочарованные мордашки и стал одеваться. Некоторое время я жалел, ведь здесь бывает гораздо хуже, и торопиться точно некуда. Хотя вскоре себя простил.

Краем глаза я заметил, что те красотки, что не лежали на кроватях, все еще дуются. Мне всегда было неприятно обламывать людей, во всяком случае, если не за дело. Так что я немного наклонил голову, улыбнулся им и сказал что-то вроде: «Завтра вижу». Откуда-то, была уверенность, что они поняли именно то, что я хотел сказать.

Дальше опять действовал по плану. Зашел в лазарет; у меня странным полупрозрачным шприцом взяли немного крови из вены. Я вспомнил, что и у них тут могут быть страшные заболевания, типа ВИЧ или сифилиса, а потом почему-то уже подумал, что мне все равно здесь подышать. Да и, глядишь, лекарства кое-какие есть. Конечно, они могут на меня подействовать даже в минус. Но я также догадывался, что моя ДНК уже меняется.

Меня щедро накормили полусырой рыбой. Хотя, что это я так неблагодарно и пренебрежительно? Ради меня, пока еще никого, выделили грамм четыреста относительно безопасно приготовленного улова невероятно полезных существ. Да

и кто не любит рыбу? Особенно если это не минтай, и на губах не остается чешуя, и кость не застывает в горле.

Трапезу сжигать меня послали на стрельбище. Чтобы я научился из лука уничтожать плавающую рыбу, которую потом можно будет проглотить. Тетиву этого лука в пору вдвоем натягивать. Затем шло метание ножей каждой рукой и из наклона, и в приседе тоже. Я люблю неестественно извиваться, но тут выбора не было – по ногам били и всячески мешали. Хотя на результате это слабо сказалось.

Затем шла езда верхом на лошади. Следует отметить, что лошади у чингар тоже были немного спрессованные: более мощные, со зловещими глазами и костяными наростами, словно щитки или чешуя, закрывавшими лоб и грудь. А еще клыки. Не знаю уж, насколько хорошо это их защищало, учитывая, какое здесь все мощное.

Меня учили успокаивать ее, седлать и ездить сначала медленно. В Самаре я один раз катался на старом ленивом пегом пердуне втридорога на холоде ради девушки с низкой социальной ответственностью, но мне все равно понравилось. Здешняя же лошадка с радостью понесла меня чуть не с самого начала галопом в бирюзовый лес. Глупцы сзади смеялись, а у меня от такого галопа и ветра в харю аж щеки дрожали. Но я дотронулся до ее загривка, нежно погладил, дотронулся справа у основания шеи, закрыл глаза и прошептал: «Тихо». Спустя сотню метров она остановилась, осмотрелась и поскакала назад.

Затем шел проклятый бой с солдатом. Опять. Только с каждым разом они наступали все рьянее. Сначала со щитом, затем на двух мечах. Я опять проиграл и там и сям. Причем проиграл, как всегда, потому, что боялся нанести слишком серьезную травму противнику. Я точно мог бы один раз раздробить кости ступни противника, но лишь сделал вид, что собираюсь, чтобы сразу же продолжить атаку.

После боя шел бег с прыжками через бревна с параллельным метанием ножей на добивание. В общем, из меня точно собирались сделать терминатора, и взялись за это основательно.

Тут следует сделать ремарку. На нашей родной планете только за несколько выстрелов из лука придется платить, как будто вымаливаешь жизнь. Здесь же мне не только предоставили эту возможность бесплатно, но — я чувствовал хотели, чтобы я научился. Как бы и что бы здесь ни творилось, я должен быть благодарен за неоценимый опыт.

Ну и в заключение, после сытного белкового ужина, который я сожрал, не вдумываясь, что там вообще лежит, мне предстояла битва с капитаном. О физической выносливости даже говорить было лень. Слава богу, мне предстояла борьба ментальная. Казалось бы, многие бы увеличили влажность штанишек от самой мысли, что с моим разумом сейчас будут заниматься любовью не так, как я хочу. Но я достиг именно того состояния, когда с красной паутиной на теле выходишь в предбанник из парной, которая давно превратилась в пре-

исподнюю. Выходишь, и садишься на деревянную скамью, чтобы насладиться безмятежностью, гармонией, безмыслием и знанием того, что от тебя валит пар, в самом деле, как от демона из ада.

Один из капитанов подошел ко мне в своих дьявольских латах и снял шлем. На вид – как обычный чингарин, только чуть повыше, почти лысый – с седеющим хохолком посередине.

Он спросил голосом, похожим на мой, где я хочу биться. Я ответил, что хочу в тихой, темной и укромной библиотеке.

Взгляд его скользнул вниз по диагонали, и он ответил, что мне туда нельзя... Но раз ему можно и выше, то ради первого раза он позволит противнику выбрать территорию сражения. Я понял, что в дальнейшем, скорее всего, не раз прокляну, но и не раз восхваляю эту расу. Честь. Даже у меня она хромая.

Когда мне удавалось проводить в центральном зале Крепости больше двух минут, я часто садился на скамью, смотрел вверх, на этажи, которые мне предстоит посетить, и вслушивался. В основном, чтобы впитывать их язык и узнать, какую участь они мне или нам готовят. Временами возникало ощущение гармонии, когда «говорили» даже стены. «Частички эхо», гармоники. Словно воздух здесь плотнее, и звук распространяется лучше.

Как бы там ни было, я знал, что где-то здесь точно есть центр знаний. Так и оказалось: мы поднялись на второй этаж,

отворили тяжелую коричневую клепаную дверь, и за ней раскинулась внушительного размера библиотека. Она изгибалась по периметру башни. Кое-где горели свечи, и сидела пара сержантов. Капитан быстренько всех выгнал и провел ладонью.

Я выбрал самое удобное место – где свет давала только одна свеча. Я затушил ее, и сел в этот угол в позе лотоса, зажавшись, как побитая собака.

Капитан, недолго думая, сел на стул в метрах от меня и началось.

Я сразу ввел себя в медитативное состояние, и, чтобы не заснуть, каждые две секунды напоминал себе, что рядом существо, состояние которого желательно изменить в любую сторону.

Капитан начал наводить на меня иллюзии. Только в таком, ослабленном, но конгруэнтном состоянии, я смог их воспринять. Это были всплески зеленой и фиолетовой пыли, летящие в лицо. Поначалу инстинктивно хотелось защитить глаза. Однако вскоре мне это показалось слишком слабым, и я хотел большего, но сразу осекся: я слишком молод, глуп и не подготовлен. Я должен быть осторожнее.

Он явно услышал мой вопрос о его возрасте, но проигнорировал. Затем я начал «скидывать книги с полок», чтобы вызвать в нем негодование.

Он поймал пару, – видимо любимые, – на остальные ему было наплевать. И он быстро отпрянул, проехав на стуле мет-

ра три, не падая.

Поняв, что я, словно бешеный ребенок, готовый уничтожить все окружение ради победы, прочувствовав мою слепую ненависть, он резко выкинул в меня красный клинок знакомого капитанского двуручника, только в несколько раз больше. Я на нечто подобное и рассчитывал.

Увернувшись от лезвия, я все же сделал вид, что мною пробило стену башни. Но вот только за пределами башни царила крошечная тьма. И когда капитан «спрыгнул вниз», он был на время слеп.

Скорее всего, я откуда-то знал, либо установил правило, либо запрограммировал его, где он должен приземлиться, и что будет делать дальше. Потому что, пока он зажигал факел, «я» успел подкрасться и окружить его со всех сторон, обмотать десятком рук, зажав шею, рот, нос, глаза и уши. Он сразу все руки раскидал, продолжал ломать прибывающие и рвать несуществующие пальцы, но здесь, на песке во тьме – черт разберешь, что происходит.

Через несколько мгновений он замолчал, и присел на одно колено. Я сказал: «Надеюсь, это ничья», и позволил себе глубоко вдохнуть. Вскоре и он проснулся в этой прекрасной библиотеке. Он глянул на меня с ненавистью:

– Это было на твоей территории. В следующий раз...

– Спасибо за урок, – перебил я его, встав и поклонившись ему, словно сэнсэю.

Он пару раз пожевал губу и ушел. На то, что я до сих пор

находился в запретной зоне, ему было все равно.

Глава 4

Потчевали нас годно и на убой. Я, как бесполезно качающийся алкоголик со стажем, это оценил. Тем, кто с качалкой сталкивался только в плане сгибания пальчика, ковыряющего в носу, вряд ли это оценить. Даже те, кто заботился только о наборе мышечной массы, все равно ничего не смогут противопоставить жалкому и бесплодному труду грузчика – это вещи совершенно разные. Тренировки только изнурили, не давая взамен почти ничего. Например таскание, прыжки и приседы с бревном на плечах, пока тебя лупят тросточками. Это раздражало и отвлекало, отнимало больше сил. На что бы они ни намекали, о таскании их раненых туш не могло быть и речи – пусть дышат.

Как говорил классик: «Это была боль-боль-боль». Самая сильная боль заключалась в том, что я не успевал даже помедитировать (хотя и этому надо учиться от двух до двух миллиардов дней), чтобы ускорить регенерацию, и хватало меня в лучшем случае на один раз порадовать любимую. Конечно, она тоже валилась с ног, и были «доярки», но я все равно чувствовал себя немного неправым или бесполезным. И это притом, что я заходил в Юлину палатку внаглую, почти не скрываясь.

Зато в бою мне удалось достичь существенного успеха. От стрел закрываться я научился очень быстро. Во-первых,

гораздо страшнее, и организм выдирает из генетической памяти умение мгновенно и точно реагировать. Во-вторых, я и раньше замечал за собой хорошую способность блокировать удары. Возможно это как-то связано. Далее шли подводные камни, вроде недооценки угрозы, так что я относился к проблеме по-своему.

Но и помимо этого я стал периодически срубать одного солдата, то выбивая меч из руки, то полоснув по оной, что мне засчитывали, как победу. Для этого не надо быть Шерлоком Холмсом, коим тщатся быть многие ничтожества на Земле. Просто в какой-то ситуации вдруг видишь дерево возможных вероятностей. Одна из ветвей – «подкрашенная правильным». На самом деле, «правильны» всегда несколько, просто с оговорками и погрешностями. Может быть, можно сказать, что с оговорками правильны все.

Я постепенно учился их языку. Не знаю как – просто слышал на боковом фоне; порой сопоставлял с происходящим, порой подсознание само ассоциировало. Эти гаденыши, став болеть за обоих из нас, подсказывали обоим. Например, когда я начинал делать непростительно замысловатый удар мечом, противнику кричали: «Храм!». Оппонент и так все сделал правильно, но это значило, что я раскрылся. Короче, как «наши западные партнеры».

Теперь после одного выбывшего, выходил второй солдат, которого одолеть у меня не хватало выносливости. Однажды меня ударили тупым лезвием меча по голове. Я быстро ото-

шел, задрожал, пытаясь успокоиться и подавить накативший жар. Я бросил меч и ушел в лазарет без спроса. По пути меня стошнило.

Я боялся сотрясения. Хотя до этого мне казалось, что я боюсь остановки сердца. Детки меня тщательно осмотрели, уложили на койку и наложили компресс. Одна медсестричка, проходя мимо и коварно улыбаясь, потрогала меня за гениталии и ушла. Хотя я ей показывал, что просто хочу поцеловаться. О времена, о нравы.

В лазарете оставили одну лампу, как будто готовились к моему погребению. Вскоре и она потухла. Внутри ламп обычно горели аналоги наших таблеток для розжига, только с пролонгированным эффектом. Ночуя там совсем один, я стал медитировать на восстановление. Я вспомнил, что незадолго до ухода с Земли разрезал сухожилие мизинца, из-за чего не мог согнуть последнюю фалангу. С тех пор я по-новому взглянул на то, насколько хрупко и ничтожно человеческое тело. Я понимал, что бить человека тем более нельзя, а то станет инвалидом на всю жизнь от легкого касания, что может повториться и со мной. Любые страдания стали мне противны патологически. Но теперь я здесь, а палец как новый, такой, каким всегда и должен быть.

Медитацию я вновь зауважал, ибо, как сказал Учитель, ну или просто «отмороженный монстр»: «В каждом из нас есть все цвета спектра. Медитация делает их стабильнее».

В этот раз я не боялся погрузиться в сон, как это быва-

ет в половине случаев. Я очень полюбил это ощущение – когда рубеж солнечного или искусственного света заволакивает меня. Вот он я, а вот – меня уже и нет нигде. В этот раз меня унесло капитально. Не в какой-то мир зарождающихся грез, а во Тьму самую настоящую. Там были равнины и холмы, а почва столь мягкая, и в то же время упругая. И температура совсем не ощущалась, так что можно было спать и на земле. Стандартные черные и серые оттенки разбавлены намеком на фиолетовые. Сверху падали огромные хлопья черной пыли, но это был только вид. Казалось, будто здесь можно жить, и здесь можно видеть далеко. И несмотря на скудность цветовой гаммы этого места, с черно-белым кино его сравнить не получится.

Я рискнул встать и осмотреться. Этот сон меня потряс своей открытостью и ясностью.

Вдруг я услышал шаги, и приготовился к битве.

– Же-еня. Это я. – Это была Юленька, и я сразу стал диагностировать, готов ли.

Она положила одеяло рядом с моей головой, и поцеловала меня, окончательно вырвав из Тьмы. Дальше она поухаживала за мной, задрала подол и села на меня. А я, как человек неусидчивый, ей всячески помогал, трогая и прося воды. Вдуматься только – по идее парню стоит прокрадываться к даме, а тут она пришла позаботиться обо мне.

Господи, я раньше руки себе резал, боясь сделать нужный разрез. Если бы я видел, что эта дама удостоит меня сво-

ей любовью, — я бы немедленно прекратил попытки «распечатать трубы». И ради этого мне не потребовалось терпеть боль... Она могла управлять моим телом, например, чтобы я поскорее «испускал дух». Да, с такой женщиной можно в разведку. И плевать, что пока она недостаточно постарела для чего-то чуть более объективного, а я блюющий почти юнец в милях от того, кем хотел бы стать.

Заснули мы под одеялом на одной тесной кровати. Чтобы не свалиться, я вжался в стену. Она прижала меня ножками и руками, и я с силой сковал ее руками, так что я не боялся, что бедняжка упадет или ее кто-то заберет.

Когда я проснулся, ее уже не было. Но в этот раз я был рад этому.

Несмотря на весьма негативные обстоятельства, раны на мне заживали быстрее, чем на Земле. Я стал чувствовать этот мир. Я дышал им, сверял его со своим сердцебиением. В ответ я стал слышать то, что еще не произошло, и то, что должно было произойти по моему скромному мнению. За те сутки, что я валялся, как труп, на импровизированной кровати, я успел услышать многие голоса солдат: про еду, про то, что сегодня вновь придется учить этого «бледного дьявола», «очередного любимчика Генерала и его шлюху». Конечно, хотелось срубить им головы, но я знал, что передумаю

не раз. Это особенно четко понятно на фоне бухих похождений. Постой-ка! Неужели есть прок от алкоголизма?! А нет – по трезвой лавке мне эта мысль тоже приходила.

Примерно через неделю проведенного здесь времени, я заметил, что меня более не беспокоят «блуждающие тени», словно по постели пробежал клоп, или по полу – таракан. Я постепенно сходил с ума на родной планете. Мне полегчало потому, что я давно не пью, не курю, но главное – мне есть с кем не только спать, но и кого любить. Бонусом шла работа (а такое изнурение иначе не назовешь), благодаря которой я, возможно, даже усиливал свои показатели в концентрации, силе воли, самодисциплине и даже внутренней гармонии.

Да, Юленьке было тяжелее, но я на ней особо много существенных повреждений не замечал: ни на теле, ни на разуме, так что жалеть ее и начинать говорить о тренировках и прочих тяготах бытия я не видел смысла – это могло оскорбить чувство ее достоинства. Вот если бы ноготок сломала – совсем другое дело.

Она однажды чуть не заплакала, сказав мне про пальцы пришельцев. Надо быть откровенным, я даже тогда не жалел ее, а лишь сильнее обнимал. Крутая тетка – незачем ей дифирамбы распевать – уже не поможет. Сейчас вообще на алтарь только доллары и, возможно, случайное сверхпереживание принимаются в качестве платы или пропуска, достойного расположения. Но я уже не там – и слава богу.

Она назвала меня учителем, и я хотел поспорить.

«Господи, спасибо тебе, что я хоть иногда вовремя затыкаюсь».

Через месяц с небольшим, по субъективным ощущениям, нас с Юлей отправили сражаться с войском сепаратистов. «Топящих за разделенность», если дословно. Это были такие же дикари в схожих с виденными нами доспехах, – никаких отличительных признаков. Сражение проходило буквально в паре километров от Крепости. Видимо, это были какие-то залетные глупыши, не имеющие понятия о потенциале объекта. Либо, чего я больше боялся, и потому всячески насылал телепатические знаки Генералу, капитанам, и всем, кому только можно, – это был отвлекающий маневр. Позже появилась другая теория.

Поначалу мы оба отхватили: меня рубанули у основания не зажившего бедра, а любимой стрелой пропахали череп у виска. Опять шрамы. Мы бились в низине с глинистой почвой – хоть передвигаться было проще.

Дальше уже стало веселее. За время, проведенное здесь, по каким-то волшебным причинам, в нас стали развиваться странные способности. В частности, медитируя с деткой, мы тренировались мыслить на одной волне. И как-то случайно мы заметили, что вместе могли затемнять окружающее пространство. Разумеется, первые три раза мы спихивали на еще

не привыкшее зрение. Однако со временем игнорировать это было невозможно, так что мы просто знали. Когда мы удачно настраивались на одну волну, Юля могла насыщать нас эту область усугубленной, сгустившейся тьмы. Просто пяти-метровая ночь посреди вечера. Само собой, это действовало на меня, прирожденного убийцу или просто бракованного, как наркотик, и я испытывал экстаз.

Так мы поступили во время боя. Я попросил Юленьку «укрыть» меня. Такая романтическая способность в нас открылась. Пока мы входили в нужное состояние, мы ощутили, что можем общаться друг с другом телепатически на приличном расстоянии. Я приказал ей стоять в безопасности. Она сопротивлялась, но я настоял на своем. Она, чтобы не отвлекать от ударов, согласилась.

У убитого товарища я схватил красивый меч; Юле приказал медленно продвигаться вперед и держать меня в этой темной «туче». И как только стемнело, и тень закрыла мой силуэт, я пробежался между врагами. Ощущения непередаваемые: я бежал быстрее, рубил сильнее и беспощаднее, рассекая все, что движется, и слегка уклоняясь от ударов. Казалось, что я не бегу, а едва отталкиваюсь от рыхлой брэнной почвы. Я рубил острыми мечами головы, разрубал ребра, шеи и суставы, как учился на курицах дома, чтобы не затупить орудие.

Я не мог остановиться, и пошел в самое пекло, обежав противника с фланга. Юленька еще сидела на коленях и на-

сылала на меня «одеяло», а я рубил все, что вибрировало, не забывая, что далеко от Юли отходить было опасно. Кто-то пытался сопротивляться, отбивая мои удары, но я просто бежал к тому, кто не ожидал удара, чтобы ударить со спины. Подлость не важна – важно убить.

Каждый раз, когда я видел, что меч врага расположен удачно для меня, я мигом наносил смертельный удар. Только один солдат рядом ахнет, едва приподняв голову в шлеме, – сечение горла. Только один отведет меч сторону – протыкаю туловище.

О боже, сколько там было темных рук и ног! Как будто тараканов травили! Все ползают – всех надо добивать, а то кричат – гниют, призывают подмогу. Я же не чувствовал боли, кроме каких-то жалких мимолетных отголосков.

Это было по-своему прекрасно. Юленька сказала, что скоро рассвет, и он придет с той стороны. Только когда я понял, что эта песнь не может звучать вечно; я побежал к ней, чтобы обнять. Моя детка спасла меня, укрыла меня – здорового мужика – одеялкой, и не ехидничала, не унижала, как поступают даже родные люди, что «я жалею себя». Она просто делала так, чтобы мы оба выжили, чтобы оба сегодня ночью заснули вместе.

После битвы, мы сами себя подлатали и пошли есть. Вернее – пировать. В награду за участие в битве, завершившейся так хорошо, нам дали большие порции местных деликатесов вроде копченой курицы с вязкими, как глина, синими

помидорками и какого-то довольно крепкого алкогольного напитка, видимо, сделанного из ягод. И, надо признать, все было очень вкусно. Еще бы! С нами было несколько солдат и пара сержантов. Мы с Юлей поднимали деревянные кружки и кричали «Ха!», что означало «Победа!». Опыленные кровью, победой, чувством гордости, силы и сытости, мы пошли в палатку заниматься жестким и необузданным сексом.

На следующий день, уже чуть севернее, близ бескрайних лесов, произошла еще одна битва. Лиха беда – начало. Опять враг без знамени, раскраски и имени. Складывалось впечатление, что это недобитые давеча дикари, оказавшиеся никому не нужными, и застрявшими меж двух огней. Некоторые действительно еле плелись, опираясь на товарищей. Впрочем, я политикой, за исключением крайних случаев, никогда не интересовался, так что, кто именно это был – мне было абсолютно все равно. Поначалу было их жаль, и даже «приказано – уничтожить» не помогало. Все изменилось, как только эти глупцы пустили пару стрел в нас.

В этот раз все тоже прошло легко, хоть и сражались при свете дня. Враги в лохмотьях, даже хуже, чем броня нашего обыкновенного солдата. И было их от силы сотни две, да еще и довольно скоро рассредоточились.

Наших послали сотни четыре, чтобы уж наверняка про-

блему закрыть. Поэтому никаких трюков и маневров особо не понадобилось – смяли и вернулись домой.

Я подстрелил пару чингар из лука, в еще одного попал метательным ножом и пару успел добить мечом. В целом же я просто бегал рядом с Юлей и смотрел по сторонам.

Она тоже показала себя достойно: от удара одного воина она, словно рысь, увернулась, нырнув под его руку с топором, и успела вспороть тому брюхо и проткнуть бедро своим коротким клинком. А второго она обманула, ударив в щит с одной стороны. На мгновение противник замешкался, и раскрыл бок. Юля сразу же вонзила туда второй клинок, и затем обоих добила, проткнув шеи. И все, это были все воины, с которыми нам пришлось столкнуться за эту короткую битву.

В общем, потихоньку, мы учились, и результатами я был доволен. По возвращении Генерал с едва улыбающимися глазами дал нам обоим звания сержантов со всеми прилагающимися привилегиями.

Юленька была в невообразимом восторге. Я ни разу не видел ее такой счастливой: она улыбалась, смеялась, прыгнула на меня обниматься, кричала, сжимала кулаки, смотрела вверх и немного подрагивала, словно благодарила Бога. Особенно забавно это выглядело с нашими чумазыми мордашками и ручейками крови, стекающими с задниц.

Я даже про себя как-то забыл, – одной ее радости хватало, чтобы я ходил за ней, и, как пришибленный, любовался ею

с улыбкой.

Первым делом мы отмылись и пошли в оружейную получать свою сержантскую броню. Юля опять тихонько завизжала. Здесь были «люди» разной комплекции, но я почти уверен, что для нас ее подрезали и ушивали. Броня представляла собой довольно толстую дубленую кожу цвета хаки, а все места, где можно, были покрыты полусантиметровыми в толщину щитками из почти того же сплава, что капитанская. То есть, по принципу устройства, это были доспехи солдата, только в значительной мере улучшенные и видоизмененные. Пробить их уже было существенно труднее. Я бы сказал, что только при целенаправленном и сконцентрированном попадании, но тогда бы вышло, что капитаны вообще бессмертны. В принципе, обновки хватило бы надолго.

Новые мечи нам тоже выдали под стать: мне опять немного похожий на гладиус, в качестве короткого, и что-то вроде рыцарского – в качестве длинного. Юленьке дали длинные ножи, – один изогнутый, другой – прямой. Короче, примерно то, к чему привыкли. Я тоже был в восторге от функциональности и эстетичности сих предметов. Однако моя гадская ненасытная натура страстно желала именно дьявольско-капитанское обмундирование, к которому я активно готовился, как морально, так физически и психологически.

Оружейный склад находился на втором этаже, по которому мы теперь, как сержанты, могли ходить совершенно беспрепятственно. Более того, нам с Юленькой выделили свои

апартаменты. Либо у них было полно свободных квартир, либо они все еще надеялись, что разделение нас друг от друга какими-то жалкими десятками метров что-то изменит.

Внутри моей новой хаты было строго, но уютно. Но самое приятное – что мое! Одна комната – примерно три на пять метров с большой кроватью, и совмещенный «санузел», где, помимо прочего, лежало несколько щеток разной величины и для разных операций. Можно было бы задаться целью, и выяснить, с какой части и кого или чего они взяли щетину. Но если учесть, что я жрал червей, жуков, а может быть, и самих чингар... Все стены кривоватые из виденного ранее черного малахита. Пара тридцатисантиметровых окошек – чисто глянуть, не началась ли мировая война, и несколько ламп на стенах. Никаких изысков и особой эстетики – только суровый прагматизм. Логично – все равно завтра зарежут, и нового хмыря, на чье мнение всем начхать, заселят.

Мы с Юлей опять пошли пировать вкуснятиной и кружкой алкоголя. Блюдо представляло собой мясо невиданного морского животного, которое, видимо, на свою беду, еще и на сушу выходило время от времени. В общем, что-то среднее между уткой и рыбой. Мы уже пробовали это не раз. Приятно, что начали частично разбираться. Жареные куски этого мяса просто перемешали с вареными листьями и шишками подозрительных растений.

Алкогольный напиток тот же: «не сломано – не чини». Около двадцати оборотов в этой бормотухе. Харя краснеет –

ТОЛЬКО В ПУТЬ.

Само собой, после мы пошли тестировать Юлину кровать.

Глава 5

Время шло, и мы неплохо поднаторели в чингарском языке. Он и довольно простой и способный преподносить сюрпризы. Возможно, на этом языке мне разговаривать до конца дней своих, притом уже не поганных, так что я желал. Хотя, для такой легкости обучения было множество причин. В библиотеке мы изучали их письма. Юлька не проявляла особого интереса к этому занятию, даже несмотря на приказы Генерала. Она считала, что мы и так, живя среди них, научимся, плюс телепатия существенно помогает достичь взаимопонимания, и вообще, нам лучше побольше заниматься любовью и жить на всю катушку, ведь могли умереть в любой день. Я с ней соглашался.

Тут следует рассказать о том, как мы относились к телепатии. Хотя я и позволял надругаться над моим разумом и много раз проигрывал, внутри меня всегда сидит страшный мальчик, дьявольски потирающий ручки. Он считает, что мой разум – абсолют, и рано или поздно всех расщепит в клочья. Юля не показывала даже случайного взгляда согласия с кем бы то ни было. Но друг с другом мы были предельно откровенны. По всему вышесказанному можно предположить, какая смесь из удивления, страха, уважения, благодарности, гордости бога и мании новых знаний нас охватывала. И даже эти эмоции «мы не пытаемся скрыть, а время

от времени ими пользуемся».

Одним романтичным звездным вечером, когда мы прогуливались по длиннющему балкону и гадали, когда проявится одно из светил, мы стали свидетелями занимательного явления. Откуда-то сверху Крепости вылетело несколько больших крылатых созданий. Они покрутились в воздухе, застыли на секунду и улетели в сторону северо-западного леса. До сих пор мы видели на этой планете только птиц, очень похожих на наших ворон. Этих же существ я бы назвал горгульями или гарпиями.

– Это... ни...

Я посмотрел на Юльку.

– И такие бывают... Ничего себе, какие большущие! Представь, тебя такая тыпнет, – сказала с ухмылкой Юлька и ущипнула меня за плечо, а глаза все еще, как пять копеек у обоих.

Вспомнились фрагменты снов. Хотелось бы почувствовать это на самом деле. И при этом не быть рабом физиологии или страха. Размер и в правду не всегда имеет значение. Однако когда твари превратились в точку, я вновь глянул на Юлию, и не о чем думать больше не хотелось. Так что после щипка завалил ее на руки, и понес в свою пещеру наказывать.

Отработку в доильне никто не отменял, и помимо секса с любимой, примерно в таком же количестве и качестве я отдавал долг новой отчизне. Немного странное словосочета-

ние.

Юля забеременела, но не хотела сглазить, так что мы об этом не говорили. Да, мы оба стали массивнее по понятным причинам. Но тут было немного другое. Это даже чувствовалось на ощупь.

Юле тоже приходилось «шпилиться с дикарями». Мы старались не затрагивать эту тему. Главное – что мы чувствовали себя семьей: у нас был дом, работа, мечты, мы любили друг друга и были счастливы. Большую часть времени мы лежали и, либо, поглаживая друг друга, молчали, либо рассказывали друг другу идиотские истории из прошлого или настоящего и смеялись.

Мне нравилось буквально все: как мы касались друг друга, как она ложилась на меня, как смотрела, какие слова мне говорила и каким голосом, как постоянно прижималась ко мне, как реагировала на все, что я делал, как наши губы почти не размыкались, как мы чувствовали сердцебиение друг друга, и в шутку пытались их синхронизировать волей, когда вместе медитировали.

Мы тихонько пугали в постели и шутили, что стали старыми пердунами. Пачкали все кровью и в шутку упрекали друг друга: «Э-э-э, грязнуля». Мы настолько любили друг друга, что даже не задумывались над тем, что можем, по сути, почти в любое время, как минимум, узнать, что думает другой. Но здесь просто нечего было утаивать.

Похоже, капитаны, время от времени, побивавшие нас

в ментальном плане, и солдаты, на которых мы потом «срывались», обманывая и путая, раскрывали наши таланты в очень даже правильном направлении. Я бы даже сказал, жизненно необходимым.

Вообще поражало и радовало, как же мы с этими «темными» похожи. Все совместимо: и пища, от которой только пару раз вначале было нехорошо, и секс, и никаких заболеваний пока не ощущалось. Даже тяжесть, атмосфера и неприхотливость местного колорита становилась привычной, обоснованной и чуть ли не единственно верной. Может прозвучать надуманно, и я старался эти думы гнать – аж стыдно становилось, но разницы между нами постепенно уменьшались. В принципе, мне от людей многого и не надо: ни одобрения, ни обсуждения философских взглядов или жизненных ситуаций. Даже разговора с ними дольше трех секунд не испытываю явной необходимости. Мне достаточно знать, что они будут делать, что я скажу, если придется. Такое чувство, будто Бог и этих существ создал по своему образу и подобию, и только суровость внешних условий, и, быть может еще пара едва заметных, почти незначительных факторов составляла разницу. Мы ассимилировались.

Хоть я еще вряд ли настолько обжился здесь, чтобы всех знать в лицо, тем более через прорези в шлемах, но теперь я и не могу по-расистски сказать, что все чингаре для меня на одно лицо. Однако, порой такое чувство и правду возникало, когда я прохаживался по первому этажу. Их, как буд-

то, всех учили в одном училище «Кирпичномордости». Ну ладно, это их дело. Конечно, и среди них случались стычки и мордобои. Один раз это даже дошло до убийства, и труп по-быстренькому утащили на улицу. С одной стороны, нужно быть совсем странным человеком, чтобы сказать, что это меня не пугало. С другой – в подобном обществе с подобными условиями неминуемо происходили бы конфликты на почве дележки чего-либо или кого-либо, да и просто по причине личной неприязни. Но я никогда не спрашивал, из-за чего произошла та или иная ссора.

Со временем накопилось много вопросов, которые я считал неличными, что я попросил аудиенции с Генералом. Он согласился. Он принял меня спокойно, даже немного радужно. Порой возникает ощущение, что он заранее знает, о чем будет разговор. Даже здороваться с ним особого смысла не виделось.

– Здравствуйте. Я бы хотел узнать: люди ведь здесь уже бывали ранее?

– Да.

– Зачем вы вызываете их?

– Я обнаружил, что людской потенциал в области телепатии и других малопонятных даже мне способностей чуть больше, чем даже у самого могучего из моих капитанов.

– А я правильно тренируюсь? Успею ли я стать достаточно сильным и способным к следующей битве? – Я хотел спросить что-то другое, но он будто выкидывал некоторые вопро-

сы из моей головы, а возможно и подменял более удобными ему.

– Только время покажет. В любом случае, тренируйся усерднее.

– С кем мы воюем? – В общении с такими товарищами у меня постоянно ощущение, что нужно задать как можно больше вопросов до того, как они закончат разговор. Прямо как ребята, предлагающие кредиты по телефону.

– Тех, кого ты видел недавно – обычные кочевники. Нигде нет им пристанища. А вообще воюем со всеми, кто представляет угрозу. Это могут быть вчерашние союзники, бабстард со своей сестрой и племянниками, или даже собственные сыновья, возомнившие, что достаточно сильны, чтобы сместить меня.

– Я недавно видел крылатых существ с чингар размером, – кто это?

– Давай так: одолеешь меня в ментальной схватке, и сколько сможешь, столько ответов из моего разума и вытянешь? – у него заблестели глаза от азарта.

Отказываться было как-то несуразно, к тому же это был неплохой шанс, и в худшем случае еще одна интересная тренировка. Вряд ли бы он стал делать мне уж совсем плохо. Так что я сел на корточки и прижался в углу балкона. Жалкая, конечно, поза, – я мог бы принести стул откуда-нибудь, но мне нужна была максимальная устойчивость и ощущение земли под ногами и опора стен. Да и некоторое ощущение за-

щищенности никому не помешает, – в таком поединке некогда отвлекаться на дискомфорт. Его и в обычной-то жизни быть не должно.

Я вошел в медитативное состояние и сконцентрировался на Генерале. Он спокойно стоял и выжидал. Так что я начал с легкого, медленного, едва заметного «ветра», который изменил направление, и стал дуть ему в затылок. Это символизировало, что если ветерок дойдет до его головы, от приятной прохлады он захочет рассказать мне о гарпиях.

Он создал вокруг себя небольшой смерч, который порушил все мои потоки. Затем я стал «уговаривать» его: представив, что мы оба – лишь лучи знания голубого цвета, соединенные ноосферой где-то наверху, на уровне неба. Он быстро разорвал эти молнии, «оттолкнув» меня за пределы балкона в темноту. Здесь игодились тактильные ощущения от стен – на грани сознания я понимал, что не падаю, и все еще нахожусь на краю балкона. Правда, уже неизвестно, в какой позе.

Затем я бросил визуал и кинестетику, решив воспользоваться самой редкой модальностью. Я знал, что в сон его класть бесполезно, так что представил, как все солдаты, все сержанты и все капитаны вместе просят его рассказать, как именно выглядят наши враги, где они, и какое оружие у нас против них есть.

Они упрашивали его жалобными голосами, буквально умоляли. На этот раз Генерал разозлился и навалил на меня

много тяжелого тряпья, брони и стульев в придачу. Меня задалвило так, что закрыло обзор, я едва мог дышать. Я знал, что этот глупец меня испытывает, и не будет меня спасать, так что надо было как-то выкручиваться самому.

Я успокоился, дышал ровно и попытался слегка растолкать вещи перед собой, чтобы хотя бы был доступ воздуху. Когда не получилось, я стал трепыхаться, чтобы определить, в какую сторону куче проще обвалиться. Ничего. Абсолютно ничего.

Проснуться не удавалось – видимо, этот ублюдок силой удерживал иллюзию. На мгновение, я в тысячный раз в жизни подумал о смерти, и в сотый – с ней смирился. Но потом мне пришла в голову идея: стопаньки! Я же чертов Князь Тьмы!

Слиться с тьмой не составило большого труда, и я, словно мышь или змея, выполз и этой кучи мусора и скользнул вдоль угла балкона.

– Ну хотя бы спастись смог. – Почти равнодушно произнес Генерал.

А я сидел все в той же позе, равномерно дышал и наслаждался свежим воздухом. Чтобы меня еще и обдувало «фирменным» ветерком, который казалось, можно ощутить только на этом балконе, я поднялся и оперся о парапет.

– Как ты думаешь, почему именно тьма? – внезапно спросил Генерал.

– Меня всегда тянуло к ней. Я боялся и уважал ее за ее

древность, всеобъемлемость, вездесущность. Хотел перебороть ее, перестать бояться ее. Затем даже укрыться в ней, быть опасней, неуязвимей. Да мы с тьмой уже давно знакомы. Она внутри меня. Моя душа и сердце процентов на сорок состоят из нее. У нас особая связь. А началось все с банального страха, что кто-то схватит меня за ногу, пока я бегу писать в туалет. Страшна ведь не она, сама по себе, а лишь то, что она может скрывать.

– Почему ты проводишь столько времени с Юлией? – вновь неожиданный вопрос задал он. – Я дам тебе почти любую здешнюю женщину.

– Вы же знаете, на что мы способны вместе. Мы словно единый организм. Она укрывает меня одеялом, под которым я еще сильнее и храбрее. У меня даже раны там заживают быстрее. – Я произносил это с таким вдохновением, что походило на рекламу.

– Это желание укрыться во тьме, желание, чтобы тебя защитили, приласкали, приголубили, как будто у тебя матери не было никогда.

– Даже есть.

– Так забудь, что тебе кто-то нужен. Ты способен скрываться, быть смертоносным и повелевать, а не мямлить. Способен сам, без чьей-либо помощи... Все, ступай.

Наглеть я не стал – не победил же. Только я вышел из его «офиса», меня накрыло: тело на мгновение перестало слушаться, а голову пронзил шквал идей. Я быстро прижался

к ближайшей стене и терпеливо внимал новым знаниям.

Теперь я знал, что Генерал балуется генной инженерией, и валькирии – плод его творений. Это смесь солдата и птицы. Не уверен, что это было: он все-таки решил поделиться частью информации, или мне удалось из него что-то выудить с запаздыванием. А может это всего лишь эффект протечки от телепатического общения.

Дальше шли мои домыслы. Где его лаборатория? На четвертом-пятом этажах? Тесновато. Может быть, у Крепости и подземная часть есть? Да я и корпуса-то не все видел – мало ли что там. Черт, он что, и в правду клонирует солдат? «Все ради победы?».

И самое интересное: да, все хотят трон, место под солнцем. Но для чего? Что оно здесь-то дает? Хотя, если подумать, то наверняка почти то же, что на Земле. Но какой ценой?

После такого вороха мыслей, я вошел в тень и проскользнул прямо до лестницы.

Через какое-то время мы символично отпраздновали мой день рождения. Я не суеверный. Мы так и не смогли сосчитать, сколько именно земных дней мы здесь пробыли. Как такового, одинакового месяца здесь нет, или мы чего-то не поняли, а сутки, по субъективным ощущениям, длились часов

по двадцать шесть. Да и вообще я довольно легкомысленно относился к своему дню рождения, даже когда на Земле чалился. Даже на хронометраж мне было все равно. Но здесь я приобрел эту парадоксальную, на мой взгляд, и силу и одновременно, слабость. Если жизнь не будет такой, в которой один день от другого не отличишь, как было раньше, жизнь можно будет измерять и запоминающимися моментами или количеством «накопленного», пережитого счастья. Но все равно, когда нас допустили на второй этаж, а соответственно, и в библиотеку, я стал вести дневник. Часть я писал на русском, – часть – на чингарском, для пущей интересности.

Юля, разумеется, с таким подходом была не согласна. Еще бы: вот у девчонок восемнадцатилетних жизнь беззаботная – каждый день рождения на вес золота, а радость из штанов. Посмотрел бы на нее, когда у нее этих самых, должных быть «лучшими в жизни» позади хотя бы двадцать девять будет.

Однако, следует признать, что записи в адском дневнике, по сравнению с земными, стали немного реже, проще и спокойнее. Даже мата почти не было. Казалось бы, в здешних-то условиях. Постепенно я стал пытаться писать сразу на чингарском, а слова, которых не знал, приходилось писать на русском. Это была небольшая книжечка, но я знал, что испишу ее полностью за два-четыре местных года.

Как-то лежа в постели и осматривая мои шрамы, и земные и здешние, почти не слушая мои нудноватые рассуждения,

она взяла меня за руку и сказала:

– Теперь я понимаю, за что ты так ненавидишь жизнь на Земле...

Это было для меня одновременно и откровением и бальзамом на душу и даже небольшим испугом. Когда твоя любовь тебя понимает. Однако, ненависть не может существовать в постоянном количестве и форме, и в некоторых условиях она способна либо прятаться, либо вообще постепенно улетучиваться, как пары ядовитого газа.

У нее начало проявляться пузико. Она считала, что ребенок от меня. Я ей объяснил, что я так счастлив, что даже если он не мой, я готов подождать следующего. Слова, конечно, не весть, какие, но зато правда.

Она приревновала меня за то, что Генерал чаще вызывает меня, чем ее.

– Ну потому что нечего беременную гонять туда-сюда – не ближний свет, – отшутился я.

Разумеется, она нахмурилась. В четверти случаев телепатия и не нужна – огромная часть женской реакции предсказуема, притом видимо, в независимости от возраста.

Однажды на нас напало нешуточное войско двух племянников Генерала. Вот это отношения у них здесь. А впрочем, у нас подобное в истории тоже бывало.

Что радовало – в большинстве случаев ландшафт поля боя был нам на руку: все видно; месива в пределах нормы; не приходится куда-то подниматься, забегать, теряя уйму сил. Такое чувство, будто побитая и рассыпанная земля была только вокруг Крепости.

Уже вечерело, и во время битвы мы действовали с Юленькой по отработанной схеме. Я подкрадывался к отдельным кучкам чингар, и резко набегал на них. Только в этот раз я ощутил нечто новое. Во тьме я теперь не только бежал раза в два быстрее, я словно едва касался земли ногами. А когда мои мечи наносили удары, в какой-то момент некоторые противники падали замертво еще до того, как я их касался. И ощущения слегка изменились: теперь я еще лучше видел, – зрение как будто сужалось и расширялось именно там, и до тех пределов, которые мне были удобны; к тому же по бокам проскальзывали большие, устрашающие тени.

Я бежал, рубил, кромсал и сек направо и налево. Боевой раж вновь захватил меня. Чем лучше у меня получалось, тем больше я превращался в кровожадного хищника.

На какое-то мгновение, после нескольких десятков поверженных врагов, я отвлекся, потерял контроль, и мне в лопатку прилетела стрела. И вдобавок, кто-то с такой силой ударил меня в правый бок, что я отлетел и потерял сознание.

Очнулся я в лазарете Крепости, и рядом стоял один из наших капитанов. Выходит, отбились. Вскоре зашел и Генерал. Он прочитал, что случилось (я сам в голове прокручивал произошедшее достаточно явственно), присел на стул, подумал и сказал:

– Это тебя демон Тьмы подкосил. Ты самого Мира Тьмы научился касаться. Сильные быстрые твари – чуть почку тебе не вышибли. Полечись пока, но не залеживайся.

– Какие еще миры бывают? Как... что вообще собой может представлять Мир Тьмы? – озабоченно спрашивал я. – У нас-то все логично и понятно: шары, гравитация, зависимость от Светил. А это вообще, как будто измерение грез.

– Красиво сказал, – он улыбнулся. – Скоро сам все поймешь и прочувствуешь. – По его лицу пробежала ухмылка, и он ушел.

Затем впустили Юленьку. Она выглядела взволнованной, но зато хоть ей слабо досталось.

– Если бы я вступила в бой... Это я виновата. Дай посмотреть.

Она осмотрела мой голый бок.

– О Боже! Тебя как будто динозавр огрел!.. Лежи, восстанавливайся. – Она посмотрела на дверь. – Ночью приду облегчить боль... – и страстно поцеловала меня.

Когда она ушла, я остался один в темном лазарете, в четырех каменных стенах медитировать на восстановление. В голове играл один из любимых боевых треков с меняющимся

эмоциональным фоном, и я, настроенный на прекрасную атмосферу, попутно проваливался в мир грез. Тот, в котором, как и в моем сердце, было черным-черно. Но спокойно и загадочно.

Порой слышался тихий шепот. Это могло быть из-за предсонного состояния; может быть, я слышал мысли чингарян за стенами, а может быть я просто потихоньку сходил с ума.

Уже на следующий день я осторожно ходил, стараясь не порвать ничего еще больше, а еще через два, – благодаря насыщенной половой жизни, здоровому образу жизни, обильному и правильному питанию и целенаправленным медитациям, я уже мог отплясывать чечетку и махать двуручным мечом.

Вообще, по уровню физической силы мы с Юлей уже приближались к чингарам. А остальные наши умения даже вызвали некоторое уважение, а то и опаску на мордашках чингар, как с радостью отметила Юля. Ей это явно доставляло удовольствие. Я же всегда был скромнягой, и чувство явного превосходства над кем-то никогда не манило и не опьяняло меня. Я лишь говорил, что надо делать. И чингаре делали! Что самое интересное и забавное: постепенно солдаты стали выполнять наши словесные или телепатические команды без промедлений и раздумий. И ведь это обучение, эти растущие возможности не давались какими-то титаническими усилиями, как на постылой Земле, где нас словно вымуштровали с детства и продолжали промывать мозг до самой смерти, что

нужно постоянно и ради любой мелочи рвать задницу, пока позвоночник не покажется. А все почему? Да на девяносто пять процентов уверен – потому что достаточно просто как следует давать или хотя бы быть рядом. Господи, уже одной этой мотивации может хватить. А ежели в жизни еще хоть что-нибудь достойное будет, – в таком случае, может даже я и на Земле танцы танцевал, песни пел, да хороводы водил, как в индийских фильмах.

Рана и в правду представляла собой красный след от лапищи монстра с четырьмя пальцами втрое толще и длиннее моих. Возможно, как раз из-за того, что в Аду-2 я стал могучее и крепче, я и смог пережить подобное. Ну и помятая броня вовремя пригодилась.

Вскоре у нас случился праздник: от чингарочек из доильни у меня родилось два ребенка: один серенький мальчик и одна серенькая девочка с разницей в два дня! Я сразу побежал поглазеть на эти создания. Даже поверить не мог, что они мои. Такие холеськи. Потерял счет времени, наблюдая то за одним, то за другой. А глазки какие мудрые уже! Дар этому миру.

Меня выдворили из их комнат, а я шел с капитаном, запрокинув голову, словно наслаждаясь обдуваемым, ласкающим ветерком после целого дня работы на палящем солнце. И когда я закрывал глаза, видел лишь своих малюток. Весь день провел в такой эйфории, что ничего делать не стал вообще.

«Катитесь все хоть на помойку – у меня есть дети! Дайте нарадоваться!».

Я сказал Юленьке, и, естественно, она, как могла, пыталась радоваться этому. Странная, конечно, ситуация, но я ее расцеловал и мы сделали друг другу еще лучше. И такое могло быть – я же расцвел благодаря ней.

Глава 6

На следующий день Генерал позвал меня. Только я к нему забежал, он без капли радости, гордости или понимания сразу начал расспрашивать меня обо всякой ерунде. Каковы люди, как я к ним отношусь, какое вооружение у них есть и так далее. Я все выложил.

– Разница между землянами и чингарами преимущественно в том, что вы выражаете друг другу эмоции более открыто, а у нас даже очевидные вещи часто вслух говорить нельзя.

Под вечер приехал его сын Шаттях. Мы пообщались, он оказался славным малым. Часто улыбался, правда, лицо его было в страшных шрамах, как от ожогов, и, казалось, немного перекошено. Броня у него была не такая, как у всех, видимо, членам семьи полагается эксклюзив. Цвета он выбрал темно-зеленый и фиолетовый с накинутым черным плащом с капюшоном, а за поясом висел красивый, если можно так сказать, даже изящный топор с небольшим металлическим черепком на обухе. Я конечно не спец еще, но со стороны его трудно было назвать закаленным в боях воином. Хотя, по сравнению с видом капитанов или Генерала, впечатление произвести весьма трудно.

Мы неспешно прохаживались по округе, в сторону бирюзового леса, куда даже его «Батя», как он его называл,

не пускал из соображений безопасности. Шаттях без зазрения совести поведал мне очень много интересного. Он сказал, что у Бати, насколько ему известно, восемь живых сыновей и двенадцать дочерей. Имя свое Батка никогда не называет, поэтому и Шаттяху запрещено мне его говорить. Ему пятьсот сорок лет по здешним меркам. Шаттяху всего девятью восемь (видимо, условия здесь весьма благоприятные, ибо он выглядел на сорок). Самому младшему из живых – семьдесят два года, а самому старшему из живых – сто восемьдесят шесть. Все сидят в княжествах и перед Батей все отчитываются, ворчат (тут он сдержанно усмехнулся).

Сестры почти все замужем за графами других земель. Чтобы не воевать.

– Хотя, в случае чего, ничто не мешает им глотки перерезать и опять на нас напасть, – спокойно сказал Шаттях, показывая жест отсечения головы и улыбаясь своими желтыми глазами.

– Тогда понятна распространенная атмосфера жестокости... – сказал я задумчиво.

– Дикарями нас считаешь? – спокойно спросил Шаттях.

– Я пока ни в чем не разбираюсь. У меня только фрагменты знаний. С одной стороны: нападать внезапно, без флага и какого-либо распознавания на не слишком своих, но и не чужих – это какое-то месиво. С другой – я могу понять.

Он хотел меня перебить, но осекся и продолжил внима-

тельно слушать.

– Я полагаю, уже веками войны здесь ведутся, не прекращаясь. А мы до сих пор деремся кусками дерева и металла. Не понимаю: ни где технический прогресс, ни где... – тут уже я осекся и сразу выбил мысль из головы.

– На самом деле у нас есть все, что нужно. Ты скоро убедишься, если не умрешь... Насчет того, что на вас напал кто-то, и ты не смог отличить, кто враг, а кто друг, – так это дикари на вас и напали. У них нет флагов. – Он засмеялся.

– А у вас на Земле все не так? – спросил он мгновенно меняясь в лице.

– У нас примерно так, как у вас, было в средневековье. А сейчас тоже в разных точках мира частенько вспыхивают войны, но, насколько мне известно, никто самым мощным оружием не пользуется. Все говорят, что хотят дружить, но на деле все лишь хотят обмануть друг друга на деньги и влияние. И в такой ситуации оказывается, что истинны, честны и очевидны лишь недоверие, а то и ненависть, да страх. А насч...

– А как у вас с женщинами отношения? – перебил он меня, слегка прищурившись и коварно ухмыляясь.

– У нас непонятное равноправие.

– Это как? – заинтересовался он.

– Это когда, вроде бы, поровну раздали, а во многих моментах непонятно, когда ты должен руку тянуть, а когда тебя по ней ударят. А то и вовсе ломают. И что самое ужасное –

обратиться за помощью не к кому. Восемьдесят процентов людей уже разрешили свою проблему, и вспоминать о ней не хотят, возможно, даже не помнят вовсе, как тяжело было вначале. Остальные же ходят впотьмах, пытаясь справиться сами. В нашей истории уже был период, когда родители женили своих детей за тех, «кого следует», как у вас с королевскими семьями. Вразумительный ответ о пользе этого метода решения проблемы мы вряд ли когда сможем дать.

А так: людей расплодилось, как насекомых, а они одиноки, беспомощны и эгоистичны, как будто их сотни километров разделяют. Как и с богатством: какой-то части повезло, а десять-сорок процентов должны решать свою проблему сами. Некоторые даже умирают в одиночестве.

Я решил поменять тему:

– А сколько у вас людей на планете? И зачем вы их приглашаете?

– Понятия не имею. Сколько живу, а в голову Бате залезть так и не смог... – Он посмотрел на меня и вздохнул.

– Много лет назад, до моего рождения, Батя начал открывать Врата. Это, кстати, на тему технологий. – Он сощурился, и я понял, что он чуть не рассказал лишнего. – Тогда «улов» был небольшой, и видимо, для вас – незаметный. Куда все делись с тех пор – не знаю, но большинство точно умерло.

Сейчас вот опять. Я думаю... – тут он глянул на меня искоса, – старый он очень. Келамизар-то старый, а Батя – во-

обще... очень-очень старый. По идее, никто и ничто на этой планете не может поддерживать жизнь так долго. Скучно ему. Ищет, чем бы себя развлечь. Но и амбиций каких-либо я не исключаю. Вот, тебя выбрал, чтобы попрыгал перед ним, потешил старика. — Он злобно усмехнулся, но в глазах была заметна и капелька грусти. Он ушел, не попрощавшись.

Буквально неделя прошла, не дали нарадоваться чувством отцовства, и тут же Батя вызвал к себе. Сказал, что послезавтра я отправляюсь на битву с войском его давнего врага — бастарда, как он его называл. Часть войск пойдет через лес. Там я и должен буду всех уничтожить. А до тех пор должен готовиться. Я спросил, почему Юля не со мной. Он сказал, что ее отправят на другое задание. Этому терминатору перечить все равно бесполезно, так что я побежал к Юленьке.

Проходя, мимолетом я заметил одну из, назовем так, «до-ярок», с которой я имел счастье... Имел счастье. Она была брюхата. Кротко, опасливо взглянула на меня и юркнула за дверь. Плохо конечно видеть запуганную женщину. Во всяком случае, если она хоть каплю позитивных эмоций вызывает.

А как я уже понял, женщины не любят ушами, они вообще не пойми что и чем. Пронять их может либо секс, либо сильное случайное совместное переживание, либо баналь-

ное привыкание. Почему не обобщаю до всех, включая мужчин, – потому что целью всегда была и будет именно женщина, а на мужиков начхать. Однако, когда становишься кем-то другим, более возвышенным существом, такие взгляды постепенно теряют свою ценность. Чувствую, я еще не раз повторюсь. На Земле казалось, что это бич любого мыслящего – застрять в вечной спирали рассуждений, раз из раза убеждаясь в том, что уже знаешь. С новыми красками и нотами в жизни начинаешь думать над положительными моментами – кажется, что можешь предугадать будущее.

Я рассказал Юле обо всем услышанном только что. Она выглядела озадаченно, не знала, куда ее пошлют.

– Обещай мне, что мы всегда будем вместе, – сказала она фразу, которую часто произносят манипуляторы. Но в этот раз ей просто было страшно, ведь вместе мы – чертова гора, и тут первый раз нас разделяют. Плохо это очень.

– Обещаю, даже если будем на расстоянии друг от друга... Давай поженимся?! – осенило меня.

– Давай! – приятно удивилась она. – Но как?

Я поцеловал ее и мигом побежал по этой треклятой лестнице обратно наверх к Генералу.

Тот стоял в центре своего зала, и был не в духе.

– Я не одобряю, – сразу выпалил он. – На местной женщине – пожалуйста. Я сказал тебе готовиться к битве. – Он недовольно посмотрел на меня, и я даже капельку эмоций не стал ему показывать, а сразу ушел.

Я рванул к капитану, который будет командовать операцией. Понемногу я стал различать лица даже мужчин, и его я доселе явно не видел.

Он сперва проверил меня в драке с мечом и щитом, на двух мечах, в стрельбе из лука. Вначале он выставил против меня двух солдат – с ними справился. Выставил трех – ничья. Я вспомнил, как же чудесно возросла моя выносливость за все эти месяцы. Раньше для меня и пара взмахов представляла тяжесть анекдотическую.

Ну и под конец мы дрались с ним один на один. Чертова комната была хорошо освещена лампами, так что скрыться во тьме я не мог. А играть на призрачных контрастах полусвета-полутьмы я даже не пытался – это высший пилотаж. Поэтому мы то и дело пытались отвлечь друг друга телепатическими разговорами, внезапными криками, иллюзиями движущихся предметов и делали выпады. Хотя я и выбрал два клинка, пока я придумывал, чем его вывести из равновесия, он сделал выпад, резкий разворот, и порезал мне бок. Разворот был рискованный – даже я, если бы был порасторопнее или увереннее, мог бы его полоснуть в это время. Меня всегда удивляло, как в таких тяжелых доспехах они так быстро и ловко двигаются. И как он вообще не потерял равновесие?!

Капитан удрученно помотал головой, обозвал меня хромой шлюхой и сразу поманил рукой к столу, на котором лежала карта предполагаемой территории сражения. Я тем временем обработал порез целебной мазью, которую выда-

ли в лазарете за то, что я сержант. Кстати, Шаттях не врал, в оружейной я разжился парой дымовых шашек, а со стрелами с тампонами, пропитанными горючкой, я уже упражнялся накануне.

Всю оставшуюся ночь мы изучали карту с десятком солдат. Тот факт, что больше не присутствовало ни одного сержанта, сказал мне о многом.

Итогом всех моих предложений было капитанское безапелляционное «Я сказал: делаем вот так», тыча когтистым пальцем адской рукавицы. Черт с тобой – надеюсь опытный. Да и все равно отвечать тебе.

Наутро бег с прыжками, а затем телепатическая схватка лично с Батей. Помимо классных иллюзий, что я насылал на него, все скатилось до «перетягивания каната» или игры в ладошки с пощечинами, разумеется, только мне по лицу.

После шла растяжка и попытки подтягивания для компенсации вреда позвоночнику. Затем доильня и боевые навыки на мой выбор. Наш пострел везде понемногу поспел. Еще разглянул на детей. Сиделки опять попросили выйти. Малютки спали, и я не стал их тревожить.

Комната Юли была закрыта, так что я вернулся в свою, телепатически обратиться к ней. Ничего не вышло, как будто ее не было в радиусе даже ста метров вокруг. Медитация и томительное ожидание со всех сторон быстро свалили меня в сон.

Еще до рассвета мы живо снарядились и поскакали на приплюснутых лошадях на восток, к указанному на карте месту.

На полпути капитана отозвали, и он, без предупреждения, свернул на север. Я слишком стар и слишком безумен, чтобы пугаться из-за кретинского поведения, так что, ни секунды не тормозив, с тысячью солдат добрался до указанного места.

Небольшая речушка на севере, лес на юге и на востоке. Радовало хотя бы, что мы находились на небольшом возвышении. Красиво – этого не отнять. От присутствия живой природы поблизости на душе стало приятней. Шелест листьев на ветру, влажная прохлада, которой веяло с реки. Я дышал полной грудью. Невольно растеклась улыбка, вдуматься только – лиловое небо сверху, бирюзовый ковер снизу и лишь некоторые загадочные пятна разбавляли картину. Первый раз за долгое время хотелось гулять по окрестностям часами напролет. Но, но, но. Опасность. Светило не жарило усердно, и его частенько закрывало пеленой облачков, жара не изнуряла – это чудесно. Чертов дневной свет опять лишал меня желаемых возможностей – это страшно.

Надо было принимать какое-то решение, пока его не приняли за меня. Я сначала приказал всем спешиться, замолчать, прислонить уши к твердой и немного травянистой Ма-

тери-Земле, чтобы услышать топот противника.

Ничего не ощутив, я дал телепатическую команду вернуться к участку леса, что мы недавно проехали, и нарубить и наточить побольше деревянных кольев. Все бодро занялись делом. По пути мы уже прихватили по штуке.

Затем мы на несколько десятков метров отошли от нашего лесочка. Леса здесь еще хуже, чем на Земле: там-то до одурения полно паутины, веток, на которых все глаза можно оставить, черт ногу сломит, да и живностью противной, заразной и опасной все кишмя кишит, а тут, видимо, вообще смертоубийство.

Мы натыкали частокол полукругом неподалеку от строя. Опять как следует затихли и прислушались – ничего. Ветер и лес играли на обе стороны.

Я, недолго думая, плюнул на все и приказал расстрелять и южную и восточную опушки леса зажигательными стрелами.

В этот раз ветер подул туда, куда нужно, и я заприметил стаю черных птиц, витающих над нами, словно стервятники, предвкушающие обездвиженную, растерзанную обильную пищу.

Только первые деревья загорелись, оттуда повалили чингаре. Притом бежали они молча – достойно уважения.

Мы дали по ним залпом обычных стрел, и они заорали. На всех были сплошные обтягивающие костюмы в цвет леса. Глядя на этот рой коричнево-бирюзовых «спецназовцев»,

опять же, без знамени, я тут же отдал самый безумный приказ – поджечь часть леса почти за нашими спинами. Ребята и в этот раз выполнили приказ беспрекословно, хотя я почувствовал их несогласие.

Мы успели выпустить лишь еще один залп обычных стрел по противнику, и приготовились принимать удар в метре за частоколом, предварительно забросав все в округе дымовыми шашками.

Первая же волна с такой силой и стремлением ударила по нашим щитам, а звоны и крики – по ушам, что я почти осел. Однако, я быстро сориентировался, и после переката успел подрезать пару. Брызги алой крови струились со всех сторон, быстро и щедро окропив мягкую землю. То отступая на шаг, то нападая, я старался бить наиболее безопасно. А тем временем дым от шашек рассеялся.

Это орущее, насаженное мясо и хитрюги, осторожно прорубавшие себе путь, в момент вывели из строя частокол. Я хотел применить еще один прием с лучниками, но в таком хаосе можно было и не надеяться. Я все ждал, когда же этот чертов дым от пожара сзади нас накроет. Тогда могло бы быть достаточно темно. Меня не волновало, что я мог задохнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.